

Часть четвертая Ты, я и он

Я проснулась утром в комнате Фроси и выглянула в окно. Первого января 2006 года ставропольские улочки оделись в туманы, а липы, клены и тополя нарядились в снежные бурки. Наверное, так выглядит русская зима, подумалось мне.

Комната Фроси была маленькой, но уютной. Полки с книгами и блокнотами занимали все обозримое пространство. Не преодолев природного любопытства, я взяла в руки альбом со стола и открыла его наугад. Внутри оказались чудесные пейзажи, мистические образы и библейские сюжеты. Она рисовала простым карандашом.

Постаравшись не разбудить маму, я проскользнула на кухню.

Я люблю пить чай, заваривая его, как принято у нас в Чечне: вначале заварной чайник ошпаривают кипятком, для того чтобы фарфор согрелся. Потом кипяток выливают, а на дно чайника насыпают душистые гранулы и вновь наливают кипяток, напоследок укутав чайник кухонным полотенцем. Чай получается ароматным, насыщенным и необыкновенно вкусным.

В поисках полотенца я открыла дверцы навесного шкафа и обомлела: рядом с чашками стояла музыкальная шкатулка. «Динь-динь-динь», – пропела она, едва я крутанула ручку. «Динь-динь-динь...» Внутри завертелся белоснежный единорог с золотыми копытами. Я убрала шкатулку в шкаф.

Какому автору удастся встретиться с персонажами своих произведений? Узнать их горести и увидеть в них свет? Я сотворю из жизни искусство, описывая всех, кого встретила на пути. Мой дневник сохранит каждую из историй.

– Знаешь, я правда считаю тебя своей сестрой.

Обернувшись, я увидела Николая. Он стоял в проеме кухни, поправлял рубашку и смотрел на меня. В его огромных зеленых глазах, обрамленных густыми черными ресницами, было столько великолепия, что я задохнулась от нежности.

– Никогда и никому не позволю тебя обидеть, – сказала я, обнимая его.

Каштановые волосы Николая, пропахшие ягодами можжевельника и сандала, сережка в виде ладьи, аромат классического Kenzo – все стало родным и важным для меня, стало частью моего мира. Между нами не возникало двусмысленности: ему не нравились девушки в обычном понимании, а я принимала его таким, каким он был.

Расскажи мне парни свою историю в самом начале, вряд ли мы подружались бы: связывающие меня путы строгого воспитания, запрещающего любить и выставлять свои чувства напоказ, порицание минимального отклонения от допустимой «нормы» уничтожили бы все прекрасное. Но сейчас, слава богу, все было иначе.

– Ты можешь рассказать о нас маме, если хочешь, – прошептал он. – Я думаю, она поймет.

– Сомневаюсь.

Мама, проснувшись, вытряхивала в коридоре Фросин плед.

– Торт остался? А орехи? Когда завтрак? – бодро крикнула она.

Я приготовила чай с лимоном и медом.

Из большой комнаты вышел Захар, а за ним выбежал симпатичный крысенок Локи и, вскарабкавшись на подоконник, схватил лапками печенье с кремом.

Мы пили чай со сладостями и желали друг другу счастья в Новом году.

– Ты обещала фотографии, – напомнил Николая.

– Принесу!

– Король-Эльдар временно разрешил пожить здесь, – сказал Захар. – Раз в полгода он выгоняет нас на улицу, чтобы мы искали себе жилье и оплачивали его.

– Приучает к самостоятельности, – уточнил Николая.

– Так вот почему вы жили в подъезде, – догадались я и мама.

Весь праздничный вечер я провела в роли фотографа, и, конечно, мне не терпелось поделиться своими работами. Мы договорились встретиться через несколько дней. Забрав компьютер, в который наконец была внедрена операционная система, мы с мамой уехали.

На улицах транспорта не было. Прохожие пели песни и шутили, возвращаясь с ночных гуляний. Дома нас заждались кошки. Они терлись о ноги, урчали, а котенок Вася лизал нам руки шершавым язычком.

Грустно было думать о том, что наша семья осталась без средств: отдел игрушек закрылся, убирать подъезды больше не требовалось. Надвигалась еще одна проблема: нужно было выписываться от Любви Андреевны, из жилья, которого я никогда не видела.

– Пойду поздравлю Виктора и Диану! – сказала мама.

Воспользовавшись ее отсутствием, я поставила диск, подаренный Николая. На нем был фильм Херардо Вера «Вторая кожа», об отношениях между двумя мужчинами. Николая клялся, что смотрел его в оригинале, на испанском языке. В фильме рассказывалась нежная и грустная история любви. Николая захотел, чтобы я через призму своих шаблонов посмотрела на то, что так важно для него.

В фотоателье пленку проявили четвертого января. И я не стала медлить, отправившись по известному адресу. Дверь в квартиру Николая открыла Фрося. На плече у нее сидел Локи.

– Говорят, ты знаешь секреты, – улыбнулась сероглазая девушка.

– И тебе здравствуй!

– Ты справляла Новый год в нашей квартире?

– И спала в твоей постели, – засмеялась я.

Фрося замерла. Наверное, Николая не предупредил ее об этом.

– Классно рисуешь, – сказала я, чтобы разрядить обстановку.

– Ты еще и в бумагах рылась?

– Да, – призналась я.

– И как? На самом деле хорошо рисую?

– Просто отлично! Я влюбилась в рисунок «Сквозь миры», где дух монаха встречает у райских врат падшую деву.

– Я подарю! – оживилась Фрося и пропала в своей комнате.

Захар поздоровался и ушел в ванную, мы с Николая остались вдвоем. На нем был тяжелый банный халат в крупную клетку. Темный цвет халата оттенял бледное лицо. Волосы Николая заплет в косу и украсил лентой.

– Жаль, что ты не куришь, – посетовал он. – Как тебе фильм?

– Понравился. Но не досмотрела. Мама помешала...

– Ухожу в бар! Вот картина! На память! – Фрося протянула мне альбомный лист. – Когда рисовала, думала о тебе. Правда!

– Спасибо!

Проводив Фросю до двери, мы решили посмотреть получившиеся фотографии.

– Здесь два комплекта, – пояснила я. – Один – для меня, другой – для вас.

Николя курил и внимательно перебирал пачку фотографий. Неожиданно он заявил:

– Я их заберу! Они тебе ни к чему.

– Не поняла.

– Здесь на фото мы с Захаром сидим обнявшись. Если ты покажешь их кому-то, у нас будут большие неприятности.

– Я не покажу! – поклялась я.

– Нет!

Николя спрятал фотографии под халат.

– Ты серьезно? – спросила я.

Николя ответил:

– Ничего не верну!

– Э, нет. Это мои фотографии! – Я начала бегать за ним по комнате.

В какой-то момент мы начали бороться, и Николя растянулся на ковровой дорожке. Собрав фотографии, рассыпавшиеся по полу, я убрала их в свою сумочку. На шум в комнату вбежал Захар.

Николя, не вставая с пола, завопил:

– Она приставала ко мне! Сделай что-нибудь!

Мы с Захаром переглянулись и расхохотались.

– Это она зря, – сквозь смех сказал Захар. – Надо было ко мне!

Николя, увидев, что любимый ему не верит, пожаловался:

- Забери у нее фотографии!
- А где они? – спросил Захар.
- В ее сумке!

Никогда не видела его таким обозленным, и это, надо признаться, меня поразило.

Захар ответил Николя:

– Если бы фотографии лежали на столе, я бы взял, а по чужим сумкам не имею привычки шарить.

Я вышла в коридор и начала обуваться.

– Не уходи! Останься, – попросил Захар.

– Я не хочу.

Захар странно посмотрел на меня и неожиданно прошептал:

– Это я писал тебе любовные сообщения.

– Что?!

– Я отправлял тебе эсмэски с чужого номера.

– Зачем?

– Я люблю и тебя, и его.

– Родной, не бросай меня! – заплакал Николя, вскочив с пола.

– Слишком много информации. Мне нужно на воздух. – Я направилась к выходу. Захар, схватив пальто, бросился за мной.

Обледенелые ступеньки на первом этаже призывали к осторожности. Железная дверь подъезда была распахнута настежь.

Когда мы вышли, тут же услышали позади грохот: это по ступенькам скатился Николя, запутавшись в банном халате. Торопясь нас догнать, он надел резиновые калоши, поскользнулся и, выкатившись из подъезда, с размаху угодил в сугроб. Пришлось его вытаскивать.

Несмотря на помощь, со мной Николя упорно не разговаривал. Он хватал Захара за плечи и плакал. Так мы

прошли два квартала, до остановки, где, словно снеговик, ждала меня закутанная в платки мама.

– Что это с вами? – удивленно спросила она.

Парни быстро попрощались, а я поведала ей, что в мире любви все относительно.

– Вот и прекрасно, что поругались! – подвела черту мама. – Странные они, эти нетрадиционные ребята.

Из всего в жизни следует выносить полезный опыт. История Николая подсказала: в интернете можно найти любовь. Поэтому первое, что я сделала, придя домой, – это зарегистрировалась на сайте знакомств. Практически сразу мне написал парень по имени Денис. Я ничего не понимала в электронной паутине, но Денис мне понравился. Он пригласил меня на свидание.

«Боюсь тебя разочаровать», – написал Денис.

«Значит, будем друг друга очаровывать», – ответила я.

Мы договорились встретиться на бульварной аллее.

Возможно, этот парень отвлечет меня от передряги, в которую я попала. Я полюбила Николая, а он оказался стопроцентным геем, я желала зла Захару и все время нравилась ему.

За что, Аллах, ты посылаешь мне такие испытания?

Январский вечер освещали зоркие фонари, вокруг которых реяли снежные хлопья, словно бабочки из сада Снежной королевы.

Денис оказался круглолицым парнем невысокого роста, с голубыми глазами. Ошибкой было сообщить ему, что я из Чечни. Он мгновенно потерял солнечную улыбку, замкнулся и не знал, о чем говорить. Мы пешком добрались до площади, где на высоком постаменте из красного гранита мерз истукан вождя пролетариата. В сквере у драмтеатра покачивали ветвями голубые ели, темно-зеленые пихты и могучие высокие сосны.

Оттого что говорила только я, создалась неловкая ситуация. Услышав про оторванную снарядом голову, Денис изменился в лице еще больше.

– Мы жили так каждый день, – беззаботно сказала я. – Других историй у меня нет.

– Понятно, – в ужасе прошептал парень и простился.

В три часа ночи раздался звонок. Радостная, я вскочила и схватила трубку. Это Денис – стучало сердце. Но оказалось, что, перепутав номер, звонил какой-то алкаш. Обругав его, я легла спать.

Утром обнаружила письмо от Дениса: «Таких девушек, как ты, я еще не встречал. Ты умная и симпатичная. Но место твоего рождения – город Грозный – меня очень смущает. Поэтому будущего в наших отношениях нет».

Как только я просмотрела личные сообщения, позвонил Николая.

– Прости! Сам не знаю, что на меня нашло. Я испугался. Верю, что ты никому не покажешь наши фото. Давай дружить! Нам без тебя плохо!

– Ты мог просто попросить, и я бы их тебе отдала. Но не отбирать!

– Я понял, сестра.

От его голоса мне стало не по себе.

– А что с любовью Захара? Как мы поступим с этим?

– Ему иногда нравятся девушки. Это его единственный недостаток. Но он все понял: с тобой у него нет шансов.

– Он больше не будет признаваться в любви?

– Можешь считать нас братьями.

– Ладно, – согласилась я. – Мне надо раздать котят. Приходите на Нижний рынок.

Застелив картонную коробку войлоком, я посадила в нее четырех подросших детей наших кошек, чтобы найти им добрые руки. В городе, где полно бездомных животных, это сделать очень непросто.

Увидев в торговых рядах Захара и Николая, спешивших мне навстречу, я выдохнула с облегчением. Захар молчал, а Николая мне улыбался.

– В Судный день кошка укажет лапой на хозяина и пожалуется Всевышнему, – сказала я.

– С чего бы это? – спросил Николая.

– Кошка скажет: «Этот паразит не кормил меня должным образом. Непременно накажи его, всемогущий Господь!».

– Всевышний поверит пушистой нахалке? – удивился Николая.

– Конечно!

– Но это же неправда! Человек возразит: «Я кормил кошку!»

– Всевышний спросит кошку: «Видела ли ты еду?», а кошка ответит: «Не видела, Господь! Только самую чуточку!» Вот почему кошки жмурятся и закрывают глаза, когда едят, – рассказала я старую чеченскую притчу.

Мы поставили коробку на деревянные настилы и приготовились расхваливать котят.

– Возьмите в добрые руки! Котенок как ребенок!

– У кого здесь руки добрые? – прошептал Николая.

– В такие руки надо Полину пристроить! – пошутил Захар.

– Тихо вы! – велела я. – Давайте о котятках!

– Котята – вынужденные переселенцы. Беженцы из горящей точки! Возьмите на воспитание! Котята от кошек из Грозного! – звонко закричали мы.

Люди смеялись. Одна русская женщина даже остановилась и подарила нам пакет с кошачьим кормом:

– Это презент усаатым беженцам от жителей Ставрополя.

– Спасибо! Дома еще три кошки. Возьмите котят, – попросила я.

Незнакомка вошла в колбасную лавку и вынесла оттуда два килограмма ливерной колбасы.

– Дарю, – сказала она.

Котят разобрали быстро: трехцветного малыша взяла старушка, двух черненьких – дед, живущий на даче, а рыженький достался женщине с девочкой.

Ребята вызвались меня проводить.

– Я тоже кое-что знаю о чеченцах, – сказал Николая.

– Неужели?

– В студенческом общежитии был парень из Саратовской области. В его селе жила многодетная чеченская семья, бежавшая от войны. Скажи, все из Чечни сумасшедшие?

– Не поняла, – удивилась я неожиданному вопросу.

– Старший сын в чеченской семье был учеником восьмого класса и дружил с моим знакомым. Он исправно учился, ни с кем не дрался, но, играя в догонялки с ребятами, старался выкрутить им руки, словно в нем жила боль. Однажды он расстрелял родителей, дядю и братьев.

– Расстрелял?!

– Оказалось, он все давно спланировал. В доме имелись ружья. Парень каждый день, будто дурачась, то вставлял патроны, то вынимал их. Причину расправы в новостных сводках объяснили рабским эксплуатированием: мать не родная, братья сводные. Отец не отпускал подростка на прогулки. По вечерам, после уроков, парень был вынужден разгружать КамАЗы с зерном и кукурузой для скотины. Отец и дядя занимались фермерством. Иногда отец избивал его по наговору мачехи, будто парень плохо выполнял свою работу. Молодой чеченец писал стихи любимой девушке, с которой его разлучили.

В тот роковой день дома были только мачеха и младшие братья. Он включил музыку, взял ружье и зарядил

его патронами. Мачеха крутилась на кухне, а дети смотрели мультики. Первых два выстрела попали в мачеху. Затем парень убил братьев. Трупы детей обнаружили у телевизора.

Когда вернулся отец, он и в него выстрелил. Отец потерял сознание. Дядя был жив. Раненый, он пытался доползти до калитки. Патроны закончились. Парень кухонным ножом добил дядю. Итак, вопрос: почему те, кто пережил войну, так любят смерть?

– Ты ошибаешься. Те, кто пережил войну, обладают сочувствием. На свете полным-полно притвор, которые переждали войну в мирных регионах и с удовольствием теперь рассказывают сказки. Тот, кто владеет сердцем и умеет сострадать, никогда не погрузится во тьму.

– Ты – стоик! В Древних Афинах тоже верили, что безнравственные поступки подобны саморазрушению, – сказал Захар.

Чтобы не злить мою маму, друзья не стали заходить в гости. Мы попрощались у калитки, и я вошла домой без котят, но с ливерной колбасой. Одуванчик, Полосатик и Васька по достоинству оценили подарки незнакомки.

– Дело есть, – заявила мама, заметив, что я присела на кресло. – Пойдем-ка в магазин за продуктами.

Умолчав, что друзья помогли раздать котят, я спросила:

– Почему ты не хочешь, чтобы я общалась с Николая?

После того как мать узнала об ориентации Захара и Николая, ее будто подменили. Вроде бы она не желала им зла, мы ведь раньше дружили, и парни проявляли вежливость по отношению к ней, однако мне она велела с ними не общаться во избежание дурного влияния.

– Даже слушать не желаю! – отрезала мама. – Будешь дружить с ними – и сама станешь такой же! Ты на себя посмотри. Где большой платок?!

– Они любят друг друга!

– Рот закрой. Мне все равно, кто кого из них имеет в зад. Понятно? Мужчины не должны заниматься такими грязными вещами. За это забивают камнями. Лучше бы мы об этом не знали, а эти несчастные ничего не говорили!

– Двадцать первый век, мама! Какие камни?

Мама шла по улице хмурая, уставшая и нервная. Несколько раз она толкнула меня, а затем попыталась ударить, не обращая внимания на прохожих.

– Не хочу, чтобы моя дочь общалась с геями и лесбиянками! – со слезами в голосе прокричала она. – По шариату их ждала бы смертная казнь! В Древней Руси тоже не помиловали бы! Строго тогда обходились с извращенцами.

– Помню я этот шариат у нас в Грозном, когда казнили людей прямо на улице и даже мальчика шестнадцати лет расстреляли!

– Мусульманские законы – самые справедливые!

– Должен быть гуманный светский суд.

– Тогда порядка не будет. Что же это такое? – возмущалась мать. – Мужики без стыда имеют друг друга в зад! На Руси давно нет строгих законов! Кто помнит Старый Завет? Кто читал Новый? Приходится обращаться к мусульманским хадисам. Между шариатом и европейской вседозволенностью я выбираю шариат! – громко заявила она.

– А я выбираю европейские ценности!

– Это еще почему? – завопила мама. – Ненормально, чтобы мужчины спали вместе!

– Поэтому и выбираю: если люди будут спать, с кем захотят, все останутся живы, а с радикальным мышлением – тут как тут смерть и гробы!

– В Советском Союзе нам о педерастах не рассказывали. Мы про обычный секс ничего не слышали. Как тебя в грешную дружбу утянули шайтаны?! – ругалась мама. – Со всем милосердием каждому греховоднику для ис-

правления надо дать по спине сто ударов палкой, потом заставить жениться на скромных женщинах. Всем, кто не одумается, – смерть! Смерть мужеложцам-сластолюбцам! Грех их велик!

Редкие прохожие оглядывались на меня и маму. В длинной черной юбке и теплом жакете мама походила на разбушевавшуюся цыганку.

– Не кричи, – сказала я, нарушив главную заповедь: не пререкайся. – Неужели ты желаешь смерти Захару и Николая?

– Ах ты, мерзавка! Сволочь! Гадина! – мама завопила во все горло. – Ты, паршивая овца, совсем отбилась от Корана! Аллах, помоги мне! Почему мы не заставили тебя выйти замуж в тринадцать лет? Ведь сватались чеченцы! Спасли бы честь предков! А теперь у тебя голубые друзья!

– Ты считаешь, необходимо выходить замуж в тринадцать лет?

– Мне плевать, что тебе нужно. Дети подчиняются родителям! Родители дали жизнь – имеют право и убить. Так гласит святой и строгий закон. В Древней Руси в тринадцать лет замуж отдавали, а на Востоке до сих пор отдают. И это – правильно!

Мама подняла несколько мелких камней и запустила в меня. Камешки больно ударили по ногам.

– Перестань! – попросила я.

– Еще дома получишь, – пообещала мама. – А о пидорках даже заикаться не смей, а то губы в кровь разобью!

И она, гордо подняв голову, зашагала вперед.

Вместе с январем пришла зимняя сессия в университете.

Ежедневные истерики матери были ужасны. Она обвиняла меня в невозможности нормально питаться и требовала решать проблемы.

– Я не хочу стать бомжом! – плакала мама.

Наслушавшись о жизни Николая и Захара, я представляла себе, как мы ближе к лету будем строить домики из картона.

Выискивая в газете «Все для вас» объявления, я заполняла анкеты с надеждой найти должность продавца, но тщетно. Однажды на последней странице мне попала запись, которая начиналась так: «Требуется суррогатная мать». Я вспомнила, что смотрела по телевизору передачу. Корреспонденты задавали вопросы русской женщине, которая в Москве рожала детей для состоятельных граждан. «В счет оплаты мне купили квартиру, – хвасталась суррогатная мать. – Я делаю доброе дело!»

Объявление привлекло меня. Почему бы и нет? Государство кинуло нас на обочину, в помойку, обрекло на голод. Мне нужен маленький дом, куда я смогу поселить мать, чтобы мы не ночевали на улице или в подъездах. Имея жилье, можно оформить пенсию. Позвонив по указанному номеру, я разговорилась с женщиной. Она представилась Златой.

Злата назначила встречу в кафе у «Интуриста» на Нижнем рынке. Я пришла чуть раньше и увидела, как женщина лет пятидесяти в норковой шапке и норковой шубе выходит из такси. Мы поздоровались, сели за столик и заказали кофе.

– Ваши условия? – спросила Злата, не поднимая глаз.

– Однокомнатная квартира в Ставрополе. Мы беженцы. Государство лишило нас жилья и имущества. Я хочу, чтобы у матери была крыша над головой.

– Это мудро, – согласилась Злата. – Давайте обговорим детали.

– Давайте.

– У вас есть ребенок?

– Нет.

– Вы курите?

– Не пью и не курю. Я воспитана в строгих чеченских традициях.

– Как же вы собираетесь помочь нам? – удивилась женщина.

– С помощью докторов. А вы как планировали?

– Я... – Злата замялась. – У нас горе. Я бесплодна. Но у мужа все в порядке. Если бы вы согласились... э... естественным путем, без врачей... Тайно.

– Пожалуй, для меня это слишком.

– Мы вряд ли сможем купить вам квартиру в Ставрополе, скорее, домик в близлежащих селах. Но я обеспечу вам питание и проживание на срок беременности.

– Квартира в Ставрополе. Иначе это не имеет смысла. Я рискну здоровьем только ради жилья.

Злата расплакалась:

– У нас нет таких денег.

– Не плачьте. На самом деле я позвонила потому, что хотела понять, как это – искать суррогатную мать, – призналась я.

– А мы испугались, что вы из милиции. Живем с мужем тридцать лет. Дети – это радость, которой мы лишены. Я работник ставропольской Думы. Все документы купим и подделаем. Но на квартиру даже у нас денег нет!

Я пожелала Злате удачи, и она уехала в надежде, что ей однажды удастся найти суррогатную мать.

А меня ждали лекции в университете, на которых преподаватели рассказывали о психологии человека. Студенты обсуждали книгу Эриха Марии Ремарка «Искра жизни». Нам надо было объяснить эпизод, когда солдаты СС натравили на пленного специально обученных собак и те откусили ему уши. Пленный сошел с ума: вообразил себя собакой. Отныне он лаял и выл, ползал на четвереньках и скребся. Другие заключенные привязывали

его к ножке кровати и прятали. Пленный выучил команды «тихо!», «сидеть!», «лежать!».

Я сказала, что в данном эпизоде человек добровольно подыграл разуму, чтобы облегчить боль души. Это в глазах окружающих он сошел с ума, а для самого себя он стал собакой, которой в драке откусила уши другая собака. Разве так не бывает? Человек сознательно поставил себя на другой уровень. Все меня внимательно слушали, а преподаватель что-то строчил в блокноте.

Затем началась другая пара, и нам снова задавали интересные вопросы. Выявляли современных западников и славянофилов, сравнивая их с прототипами из истории.

Учиться мне нравилось: все было как в Грозном, только не стреляли на улицах. И, глядя на мир с десятого этажа (там располагалась наша аудитория), я представляла, что мы взгромоздились на самую вершину знаний.

Когда я по всем признакам оказалась западником, преподаватель решил расспросить меня, почему России следует ринуться навстречу цивилизации, а не сохранить свою индивидуальность?

– В России народ живет плохо. Власти нужен раб, покорный и запуганный, но никак не свободный гражданин, который мог бы смело заявить свою позицию, – ответила я.

– А при царе как жили? Ведь был же царь!

– Вот и я о том же. Со времен Ивана Грозного ничто не изменилось. Раньше людей пытали и унижали опричники царя, а теперь это делают тюремщики, милиция и военные. Разве что-то изменилось за последние пятьсот лет?

– А в Европе?

– И в Европе есть проблемы. Но там сейчас хотя бы не пытаются. Демократия у них!

– Мысли твои неблагонадежные. Мы все должны любить Россию и ее власть: любую!

– Не люблю, – прямолинейно заявила я.

Далее преподаватель решил выяснить, кто из студентов к какой религии принадлежит.

– Давайте закроем глаза, – предложил он, – и погрузимся в одну весьма поучительную историю. Каждый из вас – путешественник. Вы отправились в дикие, непроходимые леса Амазонки.

– А зачем? – спросила Парашютистка.

– Как зачем? Путешествовать! Отпуск у нас! Уехали из России!

– Хорошо.

– Вы идете по лесу с тяжелым рюкзаком, устали и не выспались. Вот-вот пойдет дождь. Вы не можете вдохнуть полной грудью. Из-за деревьев выскакивают дикари и берут вас в плен. Они тащат вас в пещеру, где повсюду человеческие кости. Вы связаны и очень напуганы. Помимо вас в плену у дикарей находятся: ваш друг, ваш любимый человек, ваш враг, которого вы давно и сильно ненавидите, и незнакомец, совершенно чужой человек. Он оказался в плену раньше всех и успел понаблюдать за «пиршеством».

– Что нам делать?! – слышались испуганные возгласы.

– Появляется вождь – страшный человек с дубинкой в руке. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: именно ею он раскроил черепа вчерашних жертв. Но вы ему понравились. Он улыбается, скаля зубы. Подходит и говорит: «Я убью только одного. Выбор за тобой. Всех остальных я отпущу. Пусть уходят! Но именно ты скажешь мне, кого мы сегодня съедим».

– Незнакомца, – прошептала черноглазая студентка у окна.

– Хм... – Преподаватель задумался. – Действительно, какая от него польза? Это не любимый человек. Не друг. Не враг. Мы его не знаем. В плену незнакомец гораздо

дольше нас, не факт, что сумел сохранить рассудок. Ты близка к дзену! От незнания легче отказаться, чем принять его.

Остальные студенты молчали, пытаюсь отыскать правильный ответ.

– А я бы друга отдал, – сказал парень, отслуживший в Чечне.

– Друга? Можно и друга! – Преподаватель заулыбался. – Для друга нам не жалко нирваны! Его душа вырвется из колеса сансары в свет чистых энергий. Что для этого нужно? Боль? Незаслуженное предательство? Мучительная смерть? Это разорвет нити, связывающие его с нашим миром, он ускользнет из колеса перерождений и станет свободным. Bravo! Ты буддист!

– А если любимого отдать? – спросила Парашютистка.

– Любимого? Ты готова пожертвовать любимым? Ради чего? – Преподаватель разволновался.

– Ради будущего. Может быть, так суждено.

– Язычество в чистом виде! Мы принесем в жертву лучшее, что имеем, и посмотрим, что духи предков дадут нам взамен. Ты – язычница!

– Жребий! Я предлагаю жребий! – худенькая девушка у окна высказала свое мнение.

– Уход от решения? У тебя духовная слабость?!

– При чем тут слабость? Она просто сказала, что думает! – вскипела я.

– Вот именно! Вместо того чтобы решать самой, она доверила выбор тростинке, надеясь, что тростинка, потеряв часть себя, решит все проблемы: укажет на того, кого следует убить. И вроде бы все ни при чем. Это сто-процентный махровый атеизм!

Было видно, что преподаватель не очень доволен тем, как мы проходим тест.

– Неужели, – обратился он к аудитории, – никто из вас не скажет мне, что готов умереть за други своя, как

завещал Христос? Неужели никто из вас не сможет принять смерть, чтобы спасти остальных? Отвечайте!

Все переглянулись, но не издали ни звука.

– Тогда скажите, кого бы вы с удовольствием отдали на съедение?

– Врага! – дружно завопили ставропольцы.

Преподаватель приуныл. Вытащил из кармана пиджака блокнот. Сверился с ответами, закусил губу и топнул ногой.

– Вы уверены?!

– Да! – радостно кричали студенты. – Уверены! А если врага? Что это значит?

– Это значит, – грустно сказал преподаватель, – что вы все – мусульмане! – И, оставив группу в полном недоумении, он развернулся и вышел вон.

Выходя из университета, я столкнулась с Николая. Оказалось, он ждал меня больше часа.

– Сестра, помоги, пожалуйста!

На нем лица не было.

– Что случилось? – Я испугалась, что умерла его бабушка Ула.

– Клоп угрожал.

– Кто?!

– Клоп! Помнишь, я рассказывал тебе?

– Чем я помогу?

– Ты можешь с ним поговорить? У меня паника. Захара он не боится, а Королю-Эльдари я в таком не признаюсь.

– Что ему сказать?

– Чтобы оставил в покое! Мне не нравится насилие! Он считает, что я люблю БДСМ и пытается меня использовать. Но я не хочу! Подкараулил в подъезде и укусил!

Николя продемонстрировал следы от зубов на шее.

– Ты говорил ему, чтобы отстал?

– Конечно!

Николя выглядел настолько расстроенным, что я согласилась помочь.

– Ладно, скажи, как его найти.

Бар «Ирис», где околачивался Клоп, оказался маленьким и грязным. Сточное место на улице Мира. Неприятно переступать порог притона ставропольских наркоманов, воров и алкашей, но защитить Николая было важней.

Клоп оказался таким, каким описал его мой друг: плотного телосложения, с грубыми чертами лица и металлическим кольцом в носу. Он тянул из высокого стакана пиво и смотрел карими глазами в пустоту. За круглым столиком рядом с ним никого не было.

В дальнем углу шумела компания подвыпившей молодежи.

Я подошла и села напротив Клопа. Его черная кожаная куртка была с длинной бахромой, свисающей с пелерины. Трискелион в виде нашивки украшал правый рукав: три бегущие неведомо куда ноги, а посередине круг, разделенный на системы вращения. Ботинки с тяжелыми железными пряжками торчали из-под стола как носорожьих морды.

– Чего надо? – глухо произнес он.

Клоп видел меня впервые в жизни и мог создать любую иллюзию согласно внутреннему багажу знаний. На мне были платок, завязанный по-пиратски, и дубленка с искусственным мехом.

– Сам как думаешь? – спросила я, наслаждаясь процессом.

Мне нравились игры. Иногда я бываю воином, а иногда чародейкой. Кем я буду сегодня, знает только Аллах.

– Говори или иди отсюда. – Клоп глотнул пива.

– Я скажу, а ты слушаешь.

Улыбки оказалось достаточно, чтобы сидевший передо мной человек отставил стакан и заглянул в мои глаза.

– Чего так? – усмехнулся Клоп.

Видимо, его, как и меня, происходящее весьма забавляло. Я приподняла штанину и вытащила из сапога кинжал.

– Он легко войдет в твое горло, – сказала я, продемонстрировав клинок и продолжая улыбаться.

Клоп непроизвольно отпрянул, а затем презрительно сжал губы. По его лицу пробежала тень.

– Ты не заговаривайся, – ледяным тоном произнес любитель БДСМ, – не то сама на него напорешься.

– Хочу, чтобы ты понял, – ласково сказала я, – мне терять нечего. За друга я могу убить.

– Кто твой друг? – наморщил лоб собеседник.

– Ты знаешь. – Кинжал вернулся в ножны. – Это Николая.

– Эх, вот в чем дело. – Клоп громко хлопнул ладонью по столу. – Никогда еще за педика не вписывалась сумасшедшая девушка.

Бармен выглянул из-за стойки и спрятался. На руках Клопа были черные митенки – перчатки без пальцев.

– Не стучи. Я десять лет была на войне. Что твой хлопок по сравнению с бомбами?

Клоп разглядывал меня с неподдельным интересом, вероятно, потому, что впервые видел нечто подобное.

– Давай по-хорошему. Зачем тебе это? – спросил он.

– Он – мой друг.

– И все?

– Можешь считать его моим братом.

Шумно вдохнув, Клоп сделал большие глаза.

Я собралась уходить. Энергетика таких мест – словно сажа: долго мне не вытерпеть.

– Погоди. – Клоп попытался меня остановить.

– Мне пора!

Выходя из «Ириса» с кинжалом в сапоге, я мысленно представила ситуацию, в которой мне придется дать отпор взрослому мужчине, и меня это не испугало. Позабыло. Мы блуждаем по мирам и играем в игры. Нырнем из одной жизни в другую, строим мосты из энергий, рушим заоблачные замки.

Снег хрустел под моими сапогами. Его хруст заставлял идти медленно, наслаждаясь каждым прожитым мгновением.

У автобусной остановки меня догнал Клоп.

– Я поговорить! Интересно стало, кто ты такая. Николая рассказал обо мне?

– Сказал, что ты любишь причинять боль.

– Ты ничего не знаешь об этом, – нахмурился Клоп. – Позволь объяснить.

– Позволяю.

– Тебе обязательно нужно попробовать. Иначе ты никогда не узнаешь, нравится тебе это или нет.

– Здесь и пробовать нечего. Вся страна этим занимается: нижних гораздо больше, чем верхних.

– А ты сечешь в нашем деле! – усмехнулся Клоп. – Ничего, если я закурю?

– Моя мать и Николая курят. Я смирилась.

– Признала их господство?

– Ха-ха, господство и подчинение! – хихикнула я.

– Смеешься по глупости. Твоя мать курит, а моя, когда мне было семь, начала приводить домой пьяных дружков. Мы жили в однокомнатной квартирке под самой крышей. Чтобы я не мешал ее утехам, меня избивали и швыряли на кровать. Рядом с кроватью мать ставила швабру щеткой вверх и набрасывала поверх нее штору. Я лежал, не смея шелохнуться. Шепот, стоны буквально в метре от меня заполняли комнату. Вначале я зажимал уши, жмурился и прятался под одеяло. Но со временем

мне стало интересно, почему мать просила ночевавших у нас мужиков ублажать ее тем или иным образом. Найдя в шторе дырку, я наблюдал за происходившим. Матери нравилось, когда кто-то из мужчин причинял ей боль. Их она кормила утром не яичницей, а оладьями с кленовым сиропом. В двенадцать я сбежал из дома. Выжил на улице и понял, кто я.

– Мой автобус придет через пять минут.

– Это все, что ты можешь мне ответить?

– Я собиратель историй. Твой рассказ упал в копилку и растворился. Что я с ним сделаю? Жизни не хватит все описать.

– Откуда у тебя кинжал?

– Когда я ходила в грозненскую школу, старый нож для хлеба помог найти понимание с чеченскими детьми. Кинжал помогает поладить с русскими взрослыми.

– Ты забавная. – Клоп всем своим видом показывал, что расположен к дальнейшей беседе. – Посмотри фильм «Ночной портье» и возвращайся!

На мое счастье, подошел автобус. Войдя в салон, я оглянулась: Клоп на прощание взмахнул рукой в черной кожаной митенке, и я невольно улыбнулась в ответ.

Несмотря на строжайший запрет матери, я продолжала общаться с Николая. Он радовался и благодарил, сообщив, что Клоп перестал караулить его у дома. Мы вместе смотрели фильмы и слушали музыку. Из-за войны я столько пропустила, что казалось, целая эпоха прошла мимо: имена голливудских звезд были мне неизвестны, музыкальные хиты я воспринимала как нечто диковинное. Пожалуй, я разбиралась только в арабских танцах, близких нашей кавказской культуре. Николай старался заполнить пробелы, переписывая мне свою коллекцию на дивиди. Он научил меня играть в компьютерные игры,

а когда я прошла самый сложный уровень, до которого он так и не добрался, Николая долго хвалил меня за упорство и талант.

Он звонил каждый день и рассказывал новости.

– Нашлась работа администратора в фотостудии. Телефон и электричество в квартире Короля-Эльдара отключили за неуплату, поэтому я ухитрился позвонить тебе с новой работы, – сообщил мой друг.

Николая интересовали мои отношения с Денисом.

– Вы целовались? Ты почувствовала его? – спросил он.

Я загадочно подышала в трубку, напустив как можно больше тумана, и ничего не ответила.

– А я вчера был в гостях у родителей Захара, – сказал Николай. – Оказывается, милиционеры, от которых нам в прошлую пятницу пришлось убежать, были подосланы Юрием Натановичем и Натальей Федоровной! Милиционеры гонялись за нами по супермаркету «Мухомор», мы еле спаслись, спрыгнув со второго этажа. Хорошо, внизу были мягкие сугробы! Родители Захара не могут успокоиться и пытаются отправить его в армию!

– Ты не сломал руку или ногу? – испугалась я.

– Нет. Но кожу на пальцах ободрал, а у Захара ушибы. Мы убежали. Как только за столом выяснилось, что виноваты родители, я сразу устроил скандал.

– Да ну? – изумилась я.

– У меня нервы сдали. Сколько можно травить нас?!

– Как вел себя отец Захара?

– Полез драться и угрожал, забыв, что сам попросил о примирении месяц назад. «Мы любовники! – кричал я им в лицо. – Я покончу с собой, если Захара заберут в армию». Юрий Натанович и Наталья Федоровна все равно настаивали на армии и последующей военной карьере. А моя смерть им только на руку – так они сказали.

– Что собираешься делать?

– Я решил, что мы с Захаром пойдём на медкомиссию вместе и признаемся в гомосексуальности. Не имеют права забирать геев в армию.

– Неужели пойдёшь и признаёшься? Вдруг будет хуже?

– Думали над этим. Но, кажется, хуже уже некуда.

– Я буду молиться за вас.

– Спасибо, сестра.

Это трогательное слово напоминало детство: в Чечне бородатые суровые боевики тоже обращаются к чужим женщинам «сестра».

Зная, что моя семья без дома, я стремилась найти в ближайших селах сарайчик без удобств, чтобы поселить мать. В городах или посёлках приобрести жильё в кредит (а кто его даст без работы и прописки?) было невозможно.

Так я набрела на объявление и узнала о захолустье в лесах, под городом Светлоградом. Село в несколько улиц с названием Безродное. Ехать пришлось далеко, мы долго плутали, попали в жуткую вьюгу, а в итоге оказалось, что у хозяйки халупы нет документов. Несчастливая, не зная, как продать в Безродном свое имущество, изначально нас обманула. Вместо документов на халупу женщина попыталась всучить нам бумажку на огород!

Село Безродное лежало среди неухоженных проселочных дорог и бескрайних полей. Расстроенные, мы шли назад под разыгравшейся вьюгой. До ближайшего посёлка было двенадцать километров, и нам пришлось преодолеть их пешком. За три часа мимо проехала всего одна старая «девятка». Но и она не остановилась. Из посёлка до Ставрополя нам удалось добраться к ночи.

Несмотря на усталость, мать как заведенная читала газету «Все для вас» в надежде найти еще варианты.

– Пока есть прописка, можешь взять еще один кредит. Купим дом, а затем ты найдешь работу.

– В селе нет работы.

– Не буду жить на улице, покончу с собой, – твердила мать.

Пришлось уступить и продолжить бесполезные вылазки в близлежащие села.

Государственные банки, конечно, не предоставили бы нам кредит, но был один частный, дававший ссуду под тридцать шесть процентов в год.

После неудачи в Безродном мы отправились в село Старая Марья. В газетном объявлении было указано, что цена дома – тысяча долларов. Это было чересчур дешево. Мама перед дорогой покричала, поплакала, затем закрыла лицо руками, съела миску своего горохового супа, а потом и мою долю, успокоилась, и мы вышли под снег с дождем.

Она опиралась на мою руку и постанывала от головной боли.

– Никакие правозащитники и журналисты не интересуются реальными историями пострадавших, – стенала мама. – Они мастерят свои версии, согласованные с нужными людьми.

– Кого интересует правда о геноциде, о том, что на войне убивают всех подряд, а не один Богом избранный народ? У журналистов своя забота: сделать собственную карьеру на наших войнах, не учитывая голосов свидетелей, – согласилась я.

Ноги промокли. Лужи и грязь – типичное явление для дорог, где вместе со снегом сходит асфальт, и создается впечатление, что здесь только что бомбили «мессершмитты».

– У нас будет вдоволь еды? – волновалась мать. Ее глаза – это глаза человека, который знает, что такое голод. В отличие от тех, кто притерся к кормушкам, мы никогда не получали помощи.

Скрипучий автобус довез нас до Старой Марьи. Увы, объявление оказалось обманом: крошечная халупа на краю села представляла собой руины.

– По цене же понятно, что я продаю только прописку, – заявила нам, подбоченясь, хозяйка. – Нормальный дом стоит миллион рублей!

Это было правдой. Но государство не давало чеченским беженцам денег, чтобы купить жилье, которое стоило миллион. Все кругом вралы, поэтому мы не стали ругать наглуемую женщину, а просто повернулись и поплелись через все село на автобус, который пришлось ждать около пяти часов.

Создалось впечатление, будто мы побывали в помещицкой деревне и видели крепостных. Сельчане были несчастны, дики и необразованны. Несмотря на изматывающую боль в ногах, которая, по всем признакам индийской мудрости, должна была отвлечь мое сознание, я ни на минуту не переставала думать, куда исчезают деньги в нашей стране. Почему деревни и города на периферии в таком состоянии? Несопоставимые с ценами на продукты смехотворные пенсии и пособия держат людей в черном теле и заставляют чувствовать себя узниками и заложниками.

После пережитого мы с матерью могли бы начать совершать преступления, заявляя, что слишком долго страдали. Но есть мораль. Она выше любого страдания. Испытания даются человеку от Господа, и только тот, кто пойдет путем Иисуса и не ответит на них злом, будет спасен.

– Ты должна воровать, чтобы выжить, – посоветовал Николя, позвонив поздним вечером.

– Нет! Я никогда не разделю участь вора, проститутки или убийцы. Никогда. Лучше мне умереть, – ответила я.

Ночью в мой сон пришел межгалактический демон. Капитан сказал, что у него есть шхуна, способная рассеять звездное небо.

– Паруса на моем судне сотканы из грешных человеческих душ. Подгоняемые солнечным ветром, они несут шхуну по волнам галактик.

– Тебе не жаль души? – спросила я.

– Возлюбленная, ты совсем ничего не помнишь, – посоветовал Капитан. – В другом пространстве, где на облаках построены замки с зубчатыми башнями, я был твоим мужем. И я по-прежнему люблю тебя. Зачем ты отправилась покорять мир людей? Вернись домой!

Капитан сформировался из частиц света и принял необычайно привлекательный облик. Я ощутила, как забилося мое сердце и неожиданно пробудились чувства. В мире людей я не испытывала такого огня. Я поняла, что до сих пор влюблена в межгалактического демона, и проснулась с надеждой, что он придет снова.

Весной в Ставрополь на несколько дней приехала тетушка Юлия из Москвы. Она остановилась у своей давней подруги, падчерицы прокурора Пилата, и мама вечерами пропадала у них в гостях. Они рассматривали альбомы с пожелтевшими от старости фотографиями, а я нашла подработку няней и гуляла с очаровательными двойняшками. Заработка хватало на еду, а долги за аренду жилья и компьютер росли. Виктор и Диана терпели, а банк начислял пени.

В мои домашние обязанности входило готовить ужин, и я исхитрялась варить суп из перловки и делать галушки без мяса, посыпая тесто чесноком.

Николя позвонил как раз в то время, когда я колдовала над кастрюлькой.

– Заходи. Мамы нет, – сообщила я.

Одежда на нем была изорвана, а его самого била дрожь.

– Ох, – вздохнула я.

– Мы решили попробовать перемены, разнообразить сексуальную жизнь, – заявил Николая с порога.

Его потрепанный вид соответствовал вышесказанному.

– Как ты мог до этого опуститься? – спросила я.

– Где тебе понять, чеченская девственница?! – огрызнулся он. – Мы хотим жить в свободном мире!

– Дожили!

– Ты сочувствуешь мне или нет?

– Сочувствую!

Он сел на стул.

– Захару нужны перемены, иначе наша пара развалится.

– На его месте я бы любила только тебя.

– Правда?

Щеки Николая заалели.

– Да, – ответила я. – Но ты ведь не любишь девчонок.

– Не люблю, – согласился Николая. – Только девчонок-друзей принимает мое сердце.

Я налила ему кофе.

– Послушай, – сказал он, – мы же им поверили!

– Кому?

– Захар и я познакомились на сайте с геями. Пара давно живет в Ставрополе. Богатые. Они иногда практикуют обмен партнерами. Это называется «свинг».

– Э-э-э?

– Свингеры они!

– Натуральные свиньи, судя по всему.

– Нечего тут шутики шутить! Со словом «свинья» ничего общего! Это просто так называется.

– Я вижу. Куртка у тебя порвана, сам охаешь и к тому же пытаешься лекцию читать. Bravo!

– Ну, сестрица, ты безжалостна.

– Спасибо, милый.

– Итак, пошли мы в ресторан. Они заказали выпить и поесть. Я и Захар думали, все будет по обоюдному согласию. Если мы не захотим заниматься с ними сексом, то откажемся. После ресторана они пригласили нас к себе.

Николя обиженно засопел, чтобы вызвать больше сочувствия, но я, как и прежде, помешивала в кастрюльке суп.

– Когда к ним приехали, все вышло не так, как предполагалось.

– А как?

– Захару что-то подмешали в выпивку, он вырубился, и они утащили меня в спальню. – Николя заплакал.

– Нечего верить мужикам!

– Тебе меня жалко?

– Жалко! Хотя, согласись, ситуация пропитана юмором.

– Никакого юмора! И пропитана она точно не им! – Николя бросил в меня деревянную поварешку. – Ты злая! Они воспользовались мной по очереди! Посмотри, что с моей одеждой! Я этого не хотел!

Поймав поварешку в воздухе, я ответила:

– Послушай, Николя. Что бы ты сейчас ни говорил, вероятность того, что тебя опять изнасилуют, была. И, признайся, тебе это нравится. Может, мы зря прогнали Клопа?

– Нет, не нравится. – Николя хотел поспорить, но почему-то не стал. – И даже если так, это все равно насилие.

– Что Захар сказал?

– Они его не тронули. Посадили нас в такси, он еще сонный был, и отправили домой. Я сразу – к тебе, а он со мной не разговаривает. Во всем меня обвинил.

– Будете еще встречаться с этими ребятами?

– Упаси бог! Что ты мелешь?

– Тогда надевай мою пижаму. Твою одежду почистит стиральная машина. А куртку я зашью.

Николя просиял. В моей белой пижаме с золотыми листьями он был похож на юную леди из позапрошлого века. На полу рядом с ним возились кошки. Полосатик играла с клубком шерсти, а Одуванчик громко и протяжно требовала есть. Мы отдали ей немного вчерашнего супа с макаронами, и кошка довольно заурчала.

Вернувшись от тетушки Юлии мама не стала поднимать скандал, увидев Николая. Она сдержанно поздоровалась, забрала ужин и прошла к телевизору. А мы с Николаем перетащили компьютер на кухню и до утра слушали в наушниках испанские песни Хуанеса.

– С Денисом у тебя ничего не вышло? – спросил Николай.

– Мы решили повременить с отношениями, – слукавила я.

– Найдем тебе другого парня.

– Можно подумать, это легко.

– Хочешь, я тебе кое в чем признаюсь?

– Слушаю.

– Я скопировал все твои пароли. Тебе написал симпатичный мужчина из Германии по имени Алекс, а я переписывался от твоего имени и поссорил тебя с ним.

– Что за глупость?

– Но переписку с Денисом я не тронул!

– Зачем тебе нужно было портить отношения с неизвестным мне Алексом?

– Я не хочу, чтобы ты тратила на людей свое время. Я люблю Захара как любовника, а тебя – как друга.

Николя взял меня за руку.

– Не рви сердце. – Я отняла руку и уставилась в экран монитора. – Давай найдем хоть кого-нибудь, чтобы у меня было свидание.

Сорокадвухлетний сотрудник ставропольской администрации по имени Эдуард прислал мне открытку с сердечком на сайте знакомств.

– Этот подойдет? – спросил Николая.

– Пожалуй.

Николая быстро застучал по клавиатуре, и, пока я заваривала черный чай с бергамотом, он уже обо всем договорился.

– Свидание завтра, в полдень.

– Молодец! – похвалила я друга.

День выдался погожим, зима начала сдавать свои позиции неожиданно рано.

С Эдуардом я встретила у статуи ангела на центральной площади. Он пришел раньше и ждал меня с пурпурной розой в руке. На нем было длинное черное пальто нараспашку, а под ним – белоснежная рубашка. Признаться, я очень растерялась: о чем говорить с человеком, которого не знаешь?

– Рад вас видеть, – сказал Эдуард, вручая мне розу.

Я отметила, что он обращается на «вы», и это меня порадовало.

Мы пошли через площадь, и сразу выяснилось, что он читает книги по древнеримской истории, занимается йогой и карате. И главное, конечно, – работает в администрации. Той самой, откуда нас с мамой однажды выгнали, когда мы, беженцы, обращались за помощью.

Вместе с Эдуардом я бродила вдоль сохранившейся крепостной стены с бойницами и рассказывала про срезанную осколком снаряда голову. Исполинский памятник солдату-красногвардейцу у смотровой площадки навевал истории о войне. Воспоминания юности казались мне уместными, чтобы поделиться ими на первом свидании. Плавно мы перешли на «ты».

– Зачем ты говоришь об этом? – спросил Эдуард.

– Потому что ничего другого не знаю.

– Ясно.

Наверное, мои рассказы приводят людей в шок, подумала я, глядя на подергивавшееся лицо мужчины.

– Пойдем в кафе, – предложил Эдуард.

Он накупил пирожных и халвы, чему я несказанно обрадовалась.

Затем Эдуард галантно откланялся. Больше не позво-нит, решила я, испугался. Это было кстати. Мне следо-вало делать контрольную работу по философии.

Открывая файл с заданием, я не могла выбросить из головы Николая. У него случались приступы паники и гал-люцинации, и тогда он не мог понять, где находится. Чи-тая одновременно несколько томов мировой классики, Николай забывался, сливаясь с героями книг, и ему ста-новилось легче. «Книги наполняют мою жизнь красотой. Их можно вспомнить где угодно: хоть на плахе, хоть во дворце!» – любил повторять мой друг. Он выполнял обе-щание, данное старику Илье: читать как можно больше.

– Как прошло свидание? – прозвучал вкрадчивый ше-пот Николая в телефонной трубке.

– Поела пирожных. Ухажер позорно ретировался, ус-лышав о бомбах.

– Ха-ха!

– Приходи через час, я как раз доделаю задание для университета.

Николай спешил ко мне не с пустыми руками. Он принес книги о гладиаторах и Гае Юлии Цезаре. День еще не за-кончился, солнце не скрылось за горизонт, и у меня были планы. Мой названный брат стеснялся, что его единствен-ные джинсы разорвались.

– Просил денег у Короля-Эльдара. Он меня послал, – признался Николай. – Позвонил любимой бабушке. Она

сразу вскричала: «Ах ты, бездельник! Работай! Надо было жить в семье, а раз ты покинул нас, разбирайся с проблемами сам!»

– Они неправы? – спросила я.

– Правы! Люди, живущие по традициям, всегда правы. Им нет дела до нас и наших желаний, они даже не уважают своих порывов и не стремятся понять, кто они на самом деле...

– Лучше скажи, что будешь делать, когда штаны разорвутся окончательно?

– Можно сшить из простыни?

Судя по тону вопроса, Николая всерьез собирался это сделать.

– Попробуй! – Меня смех разобрал. – Ну и веселье! Вас и раньше били на улице, а теперь и приглядываться не нужно. Сразу видно, кто идет!

– Ну да, наверное, из простыни все-таки не стоит...

– Пойдем, – сказала я. – У меня есть идея.

– Какая еще идея?

– Сделать вареники. Есть мука. Нужно купить картошку. Это экономная еда, и хватит на пару раз.

– Конечно, – согласился Николая, набрасывая на себя куртку в заплатках.

Мы отправились на Верхний рынок. Там можно торговаться с продавцами, приехавшими из Азербайджана и Армении. Блуждая вдоль рядов, я купила зелень для украшения блюда и выторговала банку сметаны за пятьдесят процентов от первоначальной стоимости.

– Не зря ты все детство провела на рынке в Грозном! – восхищался Николая. – Мне так никогда не суметь!

На Верхнем рынке помимо продуктов торговали одеждой, поэтому мелкие деньги, отложенные на черный день, я решила потратить на подарок Николая. Проходя мимо палатки с брюками и джинсами, я услышала, как продавщица, похожая на купчиху, выкрикивает басом:

– Покупай-налетай! Самый лучший товар!

Я заглянула в палатку.

– Девушка, у меня все для мужчин, – сообщила продавщица.

– А я для брата выбираю.

– Тогда ко мне! Милости просим!

Николя с пакетом картошки потерялся в другом ряду.

– Покажите вот эти. – Я выбрала джинсы синего цвета.

– Где брат-то? – пробасила продавщица.

– Сейчас подойдет!

Николя, поняв, что потерял меня, возвращался обратно, оглядываясь по сторонам и не замечая, как я за ним наблюдаю из-за развешенных в рекламных целях вещей.

– Иди сюда! – крикнула я.

Он подошел и несколько удивленно посмотрел на меня.

– Что это?

– Выбираю тебе джинсы, – ответила я.

– Нет, я не могу... – начал было Николя, но я ловко втащила его внутрь ларька и подтолкнула к примерочной «кабинке», которую заменила висевшая на веревке картонка.

– Иди, посмотри, годятся тебе джинсы или нет.

Николя смирился.

– Еще дайте рубашку, чтобы она подходила по размеру. У вас глаз наметан, – шепнула я продавщице.

Она протянула на выбор две рубашки: цвета бордо и как персик. Я взяла последнюю, быстро отдав продавщице деньги, а рубашку спрятала под курткой.

Джинсы оказались впору.

– Но я не могу заплатить за них, – развел руками Николя. – Чтобы ты платила – нельзя, это неправильно!

– Еще как правильно! – заявила я. – Стыдно ходить в прохудившихся штанах.

– Тем более сестра покупает, – встряла продавщица.

Николя поднял брови, выразительно глянул на меня, но я увидела, что он внутренне согласился принять подарок. Продавщица быстро упаковала джинсы.

Мы вышли с рынка в приподнятом настроении. Так всегда бывает, когда даришь кому-то радость. Никола был смущен и находился в некотором ступоре. Чтобы отвлечь его, я сказала:

– Ты представляешь, священник, не спрашивая, какой человек веры, поливал всех святой водой без предупреждения. Он выскочил, словно черт из табакерки и окатил меня и других девчонок. Попал прямо в лицо.

– Как это? – не понял Никола.

– В университете, когда я сдавала экзамены! Священнику я сразу сделала замечание: во-первых, не все студенты – православные христиане, а во-вторых, обливаться водой холодно. Сейчас не лето!

– И что ответил батюшка?

– Наморщил нос и пробормотал, что мы воды боимся, после чего весело побежал в другую сторону, заметив новые жертвы. Руководство университета никак на это не отреагировало, не желая ссориться с духовенством.

– Вот поэтому я отрицаю все формы религии. Надо верить сердцем.

– Ты помирился с Захаром?

– Да, мы вместе. И сейчас я очень-очень счастлив. Я верну деньги. Обещаю.

– Не нужно. Это подарок! Рубашка к джинсам. – Я вручила ему пакет у остановки, где наши пути разбегались в разные стороны.

– Спасибо!

Николя прижал меня к себе и не отпускал пару минут, совсем забыв, что я мусульманка.

Вечером раздался звонок.

– Я приглашаю тебя на семейный ужин, – сказал Эдуард.

Мое первое правило гласит – никому не верь. Поэтому на следующий день я набрала оставленный им телефонный номер и успокоилась, когда к трубке подошла женщина и старческим голосом сообщила, что меня ждут.

У меня имелось представление о том, что такое семейный ужин. Из романов Толстого и Достоевского... Мне виделся обеденный стол, за которым восседает глава семьи, а вокруг – приветливые домочадцы. Повариха стряпает на кухне обед, прислуга подает блюда на серебряных подносах. Книжки о русском дворянстве, прочитанные мной в суровые годы войны, предлагали такие сюжеты. Мы – то, что знаем. Чем больше опыта получили в прошлом, тем легче нам идти дальше. В этом есть доля печали, отвар безвыходности и щепотка грусти, но мы жадно глотаем горькое питье, чтобы оправдать свое существование.

Мне совершенно не нравился Эдуард. Дело было даже не во внешности, довольно приятной по общепринятым меркам, а в энергетике: чужой, отталкивающей и неприятной. Но, взяв себя в руки, я решила, что эксперимент не помешает. Почему бы не побывать на семейном ужине?

Около семи вечера я оказалась в нижней части улицы Ленина, перед пятиэтажным домом из красного кирпича. Первое, что меня поразило, – дверь квартиры. Она была обита красным дерматином, разорванным и расцарапанным. Из-под обивки вываливался грязно-желтый поролон. Когда мне открыли, стало ясно: последние тридцать лет хозяева не задумывались о ремонте.

Поскольку у нас даже в войну жители белили стены и потолки, треснувшие от попаданий снарядов, по два раза в год, я привыкла к чистоте и порядку. Сейчас меня поразило отсутствие элементарной заботы о доме. То ли это

был местный уклад жизни, где порядок не возводили в культ, то ли мне тотально не везло.

– Здравствуйте! Меня зовут Олимпиада, – представилась пожилая дама в зеленом ситцевом халате. Ее седые волосы были аккуратно уложены на затылке.

– Добрый вечер! – сказала я.

Я приняла женщину за мать Эдуарда, но это оказалась его бабушка.

– Пошла прочь, бабка, – прикрикнул на нее внук. – Не смей появляться на глаза.

Олимпиада испуганно попятилась и исчезла.

– Зачем ты так с бабушкой?

Сомнений в том, куда я попала, у меня не осталось.

В детстве я читала не только романы о русском дворянстве, были мной прочитаны и «Парижские тайны», и «Отверженные».

– Своего отца-алкаша я стыжусь, – разоткровенничался Эдуард. – Не здороваюсь с ним вот уже несколько лет, хотя он живет в этой квартире. Иногда мы встречаемся в местах общего пользования. Тогда я бросаю в него мыльницу, полотенца и зубные щетки. Когда уже родные скопытятся? Жду не дождусь! Мне перешла бы двухкомнатная квартира.

– У тебя есть мама? – спросила я.

Мы стояли друг против друга в обшарпанном коридоре, и я порадовалась, что сумела придержать себя и не закончила вопрос словами: «Ведь тебя родила не собака?»

Это старая русская поговорка хотя, как по мне, если бы некоторых людей рождали собаки, возможно, у них был бы шанс исправить свое моральное уродство.

– Мама? – Эдуард прищурился, словно вспоминая что-то. – Она тихая. Мычит, когда выпьет спиртного. Безобидная! Мне ее бить жалко.

Я решила не разуваться: пол в квартире не мыли много лет.

– Давно трудишься в администрации города?

– Девять лет. У меня хорошая должность. – Эдуард напыжился от гордости.

– Почему нельзя вылечить родных от зависимости к спиртному?

– Их можно сдать в сумасшедший дом. Я это планирую. Мне уже за сорок, а они никак не освободят жилье от своего присутствия. Да что мы все о них да о них? Они забились, как тараканы – под печку, знают, что им будет, если сунутся в мою резиденцию. А тебя как гостью милости прошу!

Эдуард показал на дверь. Помимо кухни, где паутина свисала с потолка, словно тончайший тюль, в квартире было еще две комнаты. Одна комната – двадцати метров – называлась «палата». В ней проживали мать, отец и бабушка Эдуарда. Вторая, восьмиметровая, носила название «резиденция», потолок в которой оказался побеленным.

– Здесь я сделал ремонт, – похвастался Эдуард. – Но на общую площадь тратиться не хочу, жду, когда они помрут. Я гуманист. Другой перебил бы родичей как мышей, а я терпеливо жду их естественной смерти.

– При такой антисанитарии ждать осталось недолго... – не удержалась я.

Но работник администрации не заметил иронии.

– Они переживут ядерный взрыв, – заявил он с отчаянием в голосе.

В резиденции расположились диван, пропахший нафталином, и столик-инвалид на трех ножках. Большой убогости мне видеть не доводилось.

– Всего можно добиться, работая в городской администрации. У меня есть своя интернет-линия, – неизвестно зачем сказал Эдуард.

Я присела на край дивана. Тонкая дверь между комнатами пахла помоями, и функция ее заключалась в том, чтобы Эдуард мог закрыться от родителей.

Причин продолжить общение у меня было целых две. Первая – добыть интересную историю. Здесь не может быть компромиссов: собиратель, рискуя собственной жизнью, обязан броситься в омут, попасть на войну или приехать в гости к работнику администрации, а затем описать свой ни с чем несравнимый опыт.

Вторая причина была философская: на моих глазах развенчивался миф о том, что мы из-за отсутствия средств и помощи государства вынуждены были снимать бывшую конюшню в районе Нижнего рынка, наивно полагая, что отбросы общества живут именно там. Ничего подобного! Оказалось, что внешне благополучные, окончившие вузы граждане живут ничуть не лучше горьких алкашей, рвущихся к нирване через дымок и огненную воду.

Следующие пять минут я слушала признание в том, что стационарный телефон в квартире устроен чрезвычайно хитрым образом: нажал кнопку – и аппарат связи не работает. Родители не могут позвонить даже врачу! Столь непростую систему Эдуард как дипломированный инженер придумал сам.

– Теперь ужин! – Эдуард оживился, всеми силами пытаюсь отвлечь мое внимание от старого монитора, который замигал и погас. Персональная линия оказалась блефом.

На званый ужин подавалась гречневая каша с кусочком сливочного масла, сиротливо лежавшего на краю тарелки. Из вежливости я съела пару ложек. После началась та часть беседы, в которой мужчина уверяет девушку, что он – тот единственный, предназначенный ей самой судьбой.

– Мы бы могли пожениться. – Эдуард проявлял настойчивость. – Ты будешь вести хозяйство.

– Мне кажется или ты гей? – спросила я.

Мой собеседник поперхнулся гречневой кашей и закашлялся.

– Нет! Нет! Мужеложством заниматься нельзя! В Ветхом Завете запрещено! – вытянув вперед руку с кусочком черного хлеба, заявил он. – Грешники будут гореть в аду!

– Ветхий Завет написан давно, – ответила я, ликуя, что он перестал намекать, какой бы мы были чудесной парой. – В Ветхом Завете нет ни Ставрополя, ни вообще России.

– Господь все видит! Мы – праведники, а удел геев и лесбиянок – вечный огонь!

В это время по стене пробежал большой рыжий таракан, привлеченный содержимым тарелок. Электрическая лампочка горела тускло, и в полутьме таракан отбрасывал величественную тень.

– Я его сейчас прихлопну тапком, – заявил Эдуард, и на его лице появилось мужественное выражение.

– Пусть живет! Одна из библейских заповедей гласит: «Не убий!»

Эдуард смутился и таракана не тронул. Доедая гречневую кашу, он признался:

– В юности у меня был гомосексуальный опыт с учителем в школе. Но бабка и дед это пресекли. Всыпали ремня.

– Сочувствую.

Рыжий таракан благополучно убежал, шурша лапками по ветхим обоям.

Я поняла, что самое время прощаться.

Эдуард позвонил ближе к ночи и сказал, что надеется увидеться снова. В ответ я пожелала ему пересмотреть жизнь и попросила забыть наш телефон.

– Ах ты чеченская нищенка! – Он сбросил маску притворства.

– Не смей избивать бабушку отца, – предупредила я. – Буду звонить им раз в неделю и проверять. Тронешь – пожалеешь.

В трубке раздались гудки.

В фотостудию на улице Ломоносова требовался администратор. Николая об этом знал, поскольку отработал в этой должности два месяца и успел обчистить кассу.

– Зайди туда вроде случайно, спроси, есть ли вакансии, – посоветовал он.

Мать находилась на грани; из продуктов дома были только мука и картошка; к двойняшкам приехала старая родственница, и прогулки отменились. Требовалась работа.

Фотостудия занимала несколько помещений. Там принимали заказы, делали фотоснимки и обрабатывали их в программе «Фотошоп». Родители за скромную сумму хотели «увидеть» своих детей в Париже, Лондоне, Праге. Чтобы получился нужный снимок, ребенка фотографировали на белом фоне, а потом изменяли фон изображения, и девочка или мальчик чудесным образом оказывались рядом с Эйфелевой башней или на знаменитом Тауэрском мосту.

– Дети никогда не бывали в Европе и вряд ли будут, но родители похвалятся друзьям. Кто в деревне разберет, фотошоп это или нет? – объяснил мне свою идею Геннадий, полный голубоглазый мужчина.

Семья Геннадия выехала из Грозного задолго до первой войны. Никто их не преследовал и не угрожал им. Геннадий вывез из Чечни родителей, продал дом и открыл свое дело. Фотостудия приносила неплохую прибыль, но больше всего повезло с фермой, где семья Геннадия выращивала на продажу свиней и коров.

– Колхозы развалились, повальное пьянство, сейчас такие, как мы, в цене. Мы ухватим в жизни свой кусок!

– Мне работа нужна, – напомнила я о цели визита.

– Угу. – Геннадий кивнул. – Но никакого официального оформления. Налоги я не плачу. Зарплата администратора – три тысячи рублей в месяц. Рабочий день – восемь часов.

Я работала за ту же сумму по двенадцать-тринадцать часов, поэтому предложение показалось мне отличным.

Прошлой осенью, после ухода из «Алой розы», Николая сказал, что испытывает ко мне смешанные чувства: иногда он ненавидит меня, иногда – любит. Чувство, что я вызываю, похоже на ярость.

– Это потому, – признался Николай, – что ты хочешь все делать правильно, честно и своим примером святого життя унижаешь всех, кто по уши в говне. Удивляюсь самому себе, но порой ликую, узнав, что ты страдаешь. Одно время я надеялся, что, когда тебе негде будет жить, ты бросишь университет. Но ты не бросила. Ты преодолела все. Твоя мать голодает, но ты не крадешь. Почему?! Неужели тебя ничто не может сломить?

– Ты правда иногда любишь меня?

Мы встретились взглядами, и он взмолился:

– Прости. Мою душу опять охватила ярость.

– Что, землячка, подходит тебе наша сделка?

Засмотревшись на фотографии детей, которые, возможно, никогда не увидят Париж, я пропустила несколько вопросов Геннадия.

– Да, конечно, – кивнула я. – Мне очень нужна работа.

– Ты честный человек? – почесывая грудь через футболку с гербом СССР, спросил меня хозяин фотостудии.

Те, на кого я равнялась, не разрешали брать без спросу крошку хлеба. Был святой, что попросил у женщины иголку с нитью, дабы зашить порванную рубаху, а когда пришел снова, узнал, что семья переехала. Он прошел несколько сотен километров, чтобы вернуть чужое.

Достойна ли я? Честна ли? Однажды, чтобы не умереть с голода, я украла из чужого супа ложку макарон.

Геннадий ждал ответа.

– Воровать – грех, – сказала я. – Клянусь, что не возьму ничего из того, что мне не принадлежит.

– По рукам! – Геннадий протянул мне пухлую ладонь. – Завтра ждем тебя в девять утра.

Я слегка поклонилась, спрятав руки под шарфом.

– А, да, – опомнился он, – кавказские традиции! Женщина не может коснуться незнакомого мужчины! Помню. Сам там родился. Дикая места, дикие люди!

Домой я возвращалась в раздумьях. Яркое светило солнце, и выл ледяной ветер, привыкший хозяйничать в этих широтах. Моя длинная куртка из натуральной кожи, купленная на распродаже, делала меня почти неуязвимой для холода. На ветвях набухли почки, предсказывая, что тепло непременно наступит, но с неба, несмотря на весну, срывались снежинки.

Позвонил Николая и попросил заехать к нему. Наверное, он ждал новостей.

Я купила несколько пирожков с картошкой у женщины, торговавшей нелегально на углу: периодически ее штрафовала милиция. Торговка вежливо поздоровалась и поблагодарила за покупку. С пакетом пирожков я чувствовала себя хорошо: именно так следует приходить в гости.

Отворила мне дверь Фрося. Из одежды на ней была только белая шелковая сорочка. Непослушные пряди светлых волос ниспадали густой лесенкой.

Бросив на вешалку куртку и шарф, я вошла и села на табуретку в кухне. Захар и Николая не показывались, прибираясь после бурной ночи.

Фрося, экономя недавно подключенное электричество, торопливо выключила хрустальный светильник с шестью лилиями и спросила:

– Займемся любовью?

Она сдвинула бретельки, и шелковая сорочка упала к ее ногам.

– Нет, спасибо. Мне просто воды, – ответила я.

Фрося фыркнула и, перешагнув через свою сорочку, пошла к чайнику.

Захар заглянул на кухню и прикрикнул:

– Ну-ка, прекратила эпатаж!

Фрося поставила передо мной стакан остывшего кипятка, подняла сорочку и ушла в свою комнату. Ее стройное тело, отличавшееся редкой белизной, наверняка привлекло бы художников прошлого. Но я не художник.

– Секс предлагала? – Николая показался в коридоре и нырнул в ванную.

– Ага. – Я засмеялась. – Весеннее обострение. Хорошо, что не мяукает.

Захар улыбнулся:

– Ее вчера девушка бросила. Не бери в голову.

– Я все слышу, – крикнула Фрося из своей комнаты и добавила пошлую поговорку: – Не бери в голову, бери в рот.

– Зачем позвали? – спросила я Захара. – Как будто мне больше делать нечего, только Фросину чушь слушать.

– Пирожки! – Он заметил выпечку. – Сейчас будем обедать и ужинать одновременно. Фрося, Николая, идите пить чай!

Застряла я у них часа на два, и, когда Фрося наконец исчезла, услышав звонок из бара, Николая признался, что они попали в беду.

– Король-Эльдар не знает, мы боимся ему говорить.

– Какого черта произошло на этот раз?

Оказалось, они несколько дней работали в подпольном казино в районе Северного рынка. За работу им не заплатили и отобрали паспорта.

– Там вооруженные бандиты! В милицию нельзя! Хозяин – опасный тип! – объяснял Николая. – Брат узнает – убьет, он не разрешал нам туда идти. Там – не его территория.

– Никакие уговоры на хозяина не действуют. Паспорта он не отдает. Запросил выкуп. Мы подумали, что ты нам поможешь как журналист, – объяснил свою позицию Захар.

– Я?!

– Да! Только ты веришь, что безвыходных ситуаций не бывает.

Война не проходит для человека бесследно, у него развиваются определенные навыки. Поэтому я и выбрала профессию психолога. Мне было важно понять, как работают механизмы психики. В детстве я читала книгу о солдатах специального назначения. Их забрасывали в джунгли без еды, воды и лекарств. Чтобы выбраться оттуда, с абсолютно безлюдной территории, полной опасностей, нужно было преодолеть сотни километров.

Из оружия участникам эксперимента выдавали только нож.

Выживало не более десяти процентов от заявленных участников. Те, кто спасся, считались особенными. Они предугадывали события задолго до их появления.

Что стало с нами, пережившими две войны и умеющими слышать, как летит пуля?

– Каково твое слово? – спросил Николая.

– Есть кинжал.

– Что?!

– Это мысли вслух. – Мой мозг за пару секунд пролистал тайники памяти и показал мне несколько десятков вариантов возможного исхода событий.

– Ты отказываешься? – нетерпеливо спросил Захар, вытирая кухонным полотенцем тарелки.

– У меня есть идея.

- Уф! – облегченно выдохнул Николая. – Что за идея?
- Где твой костюм для восточных танцев?

Казино было невзрачное с виду, чтобы те, кто не при делах, никогда не узнали о месте его расположения.

Я спустилась по лестнице на четыре ступени и постучала в бронированные двери около шести вечера, когда крупье, девушки для развлечений и работники ресторана уже вошли внутрь.

Николя сообщил, что директор в это время в своем кабинете, а их с Захаром паспорта заперты в сейфе на втором этаже.

Слушая, как стучат по двери костяшки пальцев, я почувствовала себя Буддой, преодолевшим ловушки сна.

Людской быт пропитан сиропом повседневности, в нем легко увязнуть до самой смерти, а я люблю пробуждения. В левом кармане куртки я сжимала просроченные и давно утратившие всякую ценность удостоверения журналистки чеченских газет. Их красные корочки давали утешение подобно огонькам святого Эльма.

Остаточные нити разговоров вибрировали в пространстве.

– Имей в виду, – пробормотал Николая, – это плохая затея! Лучше откажись от нее и попробуй помочь нам через газеты. Прозвище директора – Ермак. Он был наемником на чеченской войне.

– Не выйду через полчаса – поднимайте шум.

– Ты веришь, что поможет милиция?!

– Разумеется, нет. Просто звоните всем.

– Хорошо.

– Где будете ждать?

– Мы спрячемся за деревьями, за три транспортные остановки отсюда. – Захар и Николая остались вдалеке маленькими пунктирными фигурками...

– Тебе чего? – спросил громила в черной форме, похожий на клыкастого вепря в военной фуражке. Он открыл дверь и глянул в сиреневое закатное небо.

Я распахнула куртку и, явив миру юбку, расшитую медными монетками, заявила:

– Танцевать пришла!

– Кто позвал? – нахмурился громила.

– Ермак.

От неожиданности охранник снял кепку и протер рукой лысину.

– Борис Прохорович?!

Наверное, так звали директора. Я кивнула.

– Пропускай давай, некогда мне с тобой лясы точить!

Громила посторонился, и, войдя в узкий коридор, я заметила еще троих охранников с лицами ээков, у каждого за плечом был автомат Калашникова.

– Вы как на войне, – вырвалось у меня.

Стражи подпольного казино посмотрели хмуро и недобро, но ничего не ответили. Тот, кто открыл мне дверь, дал указания пропитым голосом:

– Ты, барышня, не теряйся. На второй этаж и налево.

Охранник сделал двусмысленные движения бедрами.

Зачем я согласилась помочь Захару и Николаю? Сейчас такого посмотрю и наслушаюсь... Стук моих каблуков на лестнице позволил смоделировать несколько вариантов начала беседы, но они не понадобились.

– Иди сюда! – поймал меня за руку какой-то тип, охранявший второй этаж. – Кто будешь?

– К Борису Прохоровичу...

– Он никого не ждет, – ответил мне долговязый мужик в спортивном костюме.

– Еще как ждет. – Мне удалось его слегка отодвинуть.

– Тогда заходи, – отрывисто бросил он и втолкнул меня за серую дверь. Сам остался около лестницы.

Я очутилась в просторном кабинете, оформленном в стиле классицизма: потолок украшала искусственная лепнина, переливались люстры из черного хрусталя, а все видимое пространство заполняла ампирная мебель, украшенная латунными деталями. Под ногами лежали роскошные ковры. Портьеры золотисто-изумрудного цвета у балкона оказались распахнуты и подвязаны.

На столе стоял высокий медный подсвечник с сюжетом из Библии: коварный змей обвивал древо познания. Робко жалась к древесному стволу Ева, протягивая руки к манящему фрукту, и недоверчиво взирал на это Адам. Настенные тканые филенки переливались золотом в тон райской яблоньке.

– Раз пришла – пляши.

Импозантный мужчина в черном фраке появился с балкона. У него были развитые выступающие скулы, выдающие дух воина, и пронзительно-синие глаза. Шрам на лице был глубоким и почти белым, под цвет светло-пепельных волос, тянулся от виска до верхней губы, но не портил лица, а, наоборот, придавал ему вид храбреца.

– Вы здесь главный? – спросила я.

– Ну я, – ответил он, присаживаясь на диван с резными подлокотниками, и игриво предложил: – Удиви меня!

– Вы меня неправильно поняли. Про танцовщицу забудьте. Это выдумка. Нужно же было как-то войти. Я журналист и пришла за украденными паспортами.

– Удивила.

– Могу удостоверение показать.

– Как твое имя? – по-военному четко спросил он.

– Полина, – ответила я. – Полина из Чечни.

– Бывал в ваших краях.

– Почему нет таких людей, которые умели бы договариваться, чтобы остановить кровопролитие?

– Будь там такие переговорщики, как Джеймс Donovan, все можно было бы решить миром.

– А кто это?

– Американец, адвокат. Он во время холодной войны, рискуя собой, вел сложные переговоры между СССР и США. Почитай о нем.

– Почитаю, – пообещала я.

– У тебя есть любимые герои?

– Януш Корчак. Он был писателем. Во время Второй мировой он заведовал детским домом. Фашистами было принято решение отправить детей в газовую камеру. Признав в директоре детского дома знаменитого писателя, фашисты даровали ему свободу. Януш Корчак мог спокойно уйти и сохранить свою жизнь. Но он остался с детьми, чтобы утешать их и рассказывать им сказки.

– Ты торопишься?

– Тороплюсь.

– Зачем тебе чьи-то паспорта? Иди ко мне работать, мы тебя подучим. Внешность у тебя что надо! Нам нужны крупье.

– Нет, спасибо. Казино и я – две разные галактики.

– Галактики иногда сталкиваются. – И, словно читая мои мысли, Ермак продолжил: – Шрам я получил в горах. Осколок нельзя вынимать. Живу с ним, как киборг.

– Я знаю, что вы были в Чечне. Воевали как русский наемник Ермак. Мне сказали Захар и Николая, работавшие на вас. Вы у них отобрали паспорта.

– Не помню таких.

– Чужие паспорта лежат у вас в сейфе.

– Хм.

В воздухе пахло прохладой.

– Отдайте документы – и я уйду с миром, – предложила я.

Ермак захлопал в ладоши.

– То есть ты в своем безвыходном положении еще и угрожаешь?

– Знаете, как говорили чеченские воины в прошлые века? «Если мы окружены, значит, врагам от нас не уйти».

– Знаю, деточка. – Ермак захохотал. – Меня за последние десять лет так никто не смешил. Ни в Ханкале, ни в Алхан-Юрте.

– Отдадите паспорта?!

– Какой напор, какое упрямство! Платье-то, наверное, взяла напрокат и танцевать совсем не умеешь.

– Умею!

– Станцуешь – отдам тебе паспорта гомиков. Они мне, правда, должны остались, ну хрен с ними. Пусть живут! За храбрость твою их прощу.

Речь Ермака никак не вязалась с его благородным образом, и можно было подумать, что Бог размотал в пространстве киноленту и оживил ее, но картинку снимал один режиссер, а звук поверх видео добавили из пошло-го попури.

– Музыку поставлю веселую, – сообщил мне глава казино, перебравшись в красное кожаное кресло и склонившись к ноутбуку.

– Естественно. После того как осколки ракеты попали мне в ноги, я только радостно пляшу, – усмехнулась я.

Зазвучала музыка, растворяя в себе бубен и зурну, поникшие в ритме барабанов. Для этой музыки был неуместен турецкий или арабский стиль, не подходил и египетский, в котором сплелись мистика и соблазн, да и персидский, близкий к чудесам природы, показался мне слишком хрупким для подобного выступления. На секунду я замешкалась, но затем руки взмыли вверх, и ожил веселый нубийский танец.

Нубийский танец – очень красочный, жизнерадостный и озорной. Пружинистые движения, хлопки, тряска плечами, улыбка – все это похоже на баловство ребенка. Закружившись, я очнулась от аплодисментов.

– Ты можешь забрать документы. Будь у меня такая подруга, я бы отправился на край света, – сказал Ермак.

Он открыл сейф, врезанный в стену и скрытый от любопытных глаз репродукцией картины Айвазовского «Лунная ночь на Босфоре».

– Я сложный человек.

– Оставайся у меня работать.

– В криминальном бизнесе? – воскликнула я. И добавила: – Моя репутация безупречна!

– Очень жаль, – хмыкнул Ермак.

Я взяла со стола два российских паспорта и спрятала в карман черной кожаной куртки, опасаясь, что директор может внезапно передумать.

– Послушай, – остановил он меня у самой двери, – что бы там ни было на этой проклятой чеченской войне, пообещай мне одну вещь.

– Какую?!

– Что ты покрестишься в церкви.

Надо сказать, при этих словах меня пробрала дрожь, потому что я вспомнила, как учитель в школе выбросил при одноклассниках мой нательный крестик в мусорное ведро. Потом, утешая себя, я читала Коран, спасаясь от пронырливых джиннов...

– Нет, не могу, – ответила я.

– Это важно, – настаивал Ермак. – Я сам вернулся из логова сатаны. Креститься надо.

– У меня другой путь к Богу. Извините.

– А какой? Ислам, да? Суфизм? – Директор казино прищурился.

– Разные провайдеры обеспечивают телефонную связь. Религии не выполняют других функций, кроме подключения. Вам подходит желтая карточка, а мне – зеленая. Главное – не цвет, как вы понимаете.

– Ясно. – Ермак нажал кнопку в телефоне, и подобострастный голос произнес:

- Слушаю вас, Борис Прохорович.
- Девушку проводи. Лично за нее отвечаешь.
- Есть!
- Прощайте! – Я открыла дверь.
- Всего доброго! – ответил мне Ермак.

Охранник с автоматом сопровождал меня до выхода, и очнувшись я под мелким дождем на невзрачной лестнице. Не веря своему счастью, что вышла живой и невредимой, я вытащила и проверила паспорта. Все было в порядке!

Забыв про накрапывавший дождик, я пробежала три остановки. Захар и Николая пришли в неопиcуемый восторг, заметив меня. Они махали руками, топали, визжали и прыгали. А когда я вытащила из кармана их паспорта, начали меня обнимать и целовать.

– Глазам поверить не могу! – Николая прослезился. – Как?! Как тебе удалось?

– С нас магарыч! – торжественно пообещал Захар.

– Это же чудо! Как тебе их отдали? – не унимался Николай.

– Я поговорила с директором.

– С Ермаком?!

– Он оказался галантным джентльменом.

Захар и Николая переглянулись.

– Этого не может быть! Он опасный психопат!

– Неправда! Ваши паспорта мне отдал господин во фраке, синеглазый и симпатичный, похожий на Дэниела Крэйга.

– Со шрамом на лице?

– Со шрамом.

– Просто взял и отдал?!

– Да.

Радостные, они поехали в квартиру, а я – к себе, на прощание настоятельно рекомендовав им никогда больше не ходить в злачные места и не испытывать судьбу.

Ночью на старом поломанном кресле, укутавшись пледом, я увидела сон, который по ощущениям был близок ко второй реальности.

Я находилась в Грозном, в нашей квартире, и наводила порядок. Моя мать умерла. Ее недавно похоронили на местном кладбище.

Она появилась в длинном темном платье и зависла посреди комнаты с недобрыми завываниями.

Я сказала:

– Нечего тебе ходить среди живых!

Она упорно продолжала висеть в воздухе:

– Нет! Не уйду никуда, буду ходить и всех донимать.

– Уходи! Все закончилось. Ты умерла. Наслаждайся покоем.

– Не хочу покоя! – гневно заявила мать-призрак. – Хочу летать и делать гадости!

– Как и в жизни. Ты совсем не изменилась. Только теперь все кончено. Ты свободна. К тому же умирать оказалось не так уж больно и страшно.

– Еще как больно и страшно! – завопила мать-призрак.

– Хорошо: больно и страшно. Но это уже в прошлом.

– Нет! – заорала она и впала в истерику.

Я начала читать молитву и, поднеся ладонь ко рту, дунула на мать. Призрак уменьшился в размерах и, изрыгая проклятия, улетел в открытую форточку.

Мне стало очевидно, что нужно написать на стенах аяты из Корана. Как только я приняла это решение, появились бабушки и прабабушки, причем некоторых из них я никогда в жизни не видела.

К прабабушке Полине, матери деда Анатолия, я сразу привязалась, чтобы больше узнать о жизни мертвых. Но она заявила, что для живых это все тайна и она не имеет права рассказывать.

Когда все они услышали от меня о призраке, в который превратилась моя мать, то дружно сообщили, что ничего

удивительного, учитывая, что родительница – настоящий вампир.

– Всю жизнь кровь пила, – подтвердила я.

– Настоящие вампиры кровь не пьют, – заявила бабушка Галина. – Это все выдумки дурковатых бездарей, глупых и алчных, оставшихся на нижней ступени развития. Вампиры давно эволюционировали, у них острый ум. Внешне от людей их не отличить. Различие духовное. Разные пути эволюции.

– Не пьют?! – удивленно спросила я. – Как же так?!

– Люди пьют кровь. Это их самое любимое занятие. В прямом и переносном смысле. Мы называем таких людей подражателями.

– А вампиры что пьют?!

– Энергию! Энергия им как еда и вода, а земная пища для них несущественна, однако ею они тоже не пренебрегают.

– То есть моя мать пьет энергию?

– Конечно! Она питается страхом. Энергия как наркотик, без нее она не смогла бы жить.

– А я чем питаюсь?

Как только я задала этот вопрос, неведомая сила вбросила меня в ту часть вселенной, где хранились воспоминания. И я узнала, как стала настоящим вампиром.

Это случилось давным-давно и сейчас, из моего последнего воплощения, казалось совершенной юностью, не обремененной прожитыми жизнями.

Я жила на острове, зависшем между небом и землей, где неприступная крепость состояла из башен круглого сечения. Фортный пояс, защищавший нас от врагов, объединяли навесные мосты. Там, среди облаков, обитал грозный северный клан ведьм и вампиров. Их города невидимы для мира людей.

Бело-синий автобус, неприметный с точки зрения обывателя, курсировал с неба на землю и обратно. Он

перемещался настолько молниеносно, что я и очнуться не успела, как уже пора было выходить. Полукруглая дверь открылась со скрипом.

– Смелей! – подбодрила меня сидевшая рядом тетушка с рыжими кудряшками.

В салоне ворковали двоюродные сестры и тетки из моего клана.

– У нее сегодня первый укус! Она узнает, что важно для нее! Никто из нас заранее не знал, какая нужна энергия.

Мне следовало сосредоточиться на ощущениях. Что я чувствую? Что знаю? Почему мы здесь? Я уже бывала в мире людей, и меня тянуло вернуться к ним, но здесь, среди вампиров, начиналась новая жизнь.

Автобус притормозил у завода, где люди перерабатывали ископаемое топливо, чтобы получить бензин, мазут и битум. Завод меня мало интересовал, нужно было изучить место.

Я вместе с сопровождавшими прошла к одному из корпусов, окруженных забором из железобетонных плит, и заметила юношу. Это был художник, любивший граффити, который в свой выходной малевал синими и желтыми красками на стене. Он не обратил на нас никакого внимания.

Молодой, лет двадцати, парень был одет в джинсы и летнюю, слегка жатую рубашку с короткими рукавами, бежевую, с золотыми пшеничными колосками. Короткий ирокез на волосах цвета черной вишни выдавал в художнике местного модника. Он обернулся, когда наша компания приблизилась почти вплотную, и от неожиданности выронил баллончик.

– Испугался? – заорала рыжая тетка. – Привет прогрессу!

– Не испугался, – смутился художник. – Подумал, что это стражи порядка, и опять оштрафуют.

Мне было четырнадцать. Первый выход вампира. На меня парень даже не посмотрел, а мои эффектные спутницы включили музыку в кассетном магнитофоне на батарейках.

– Давай веселиться! – кричали они, по-цыгански трясая цветастыми юбками. – Войны – для идиотов, для нас – любовь! За хороший танец дарю поцелуй!

Все стали плясать, даже я, потому что веселье питало нас радостью. Пожилые бестии так закружили паренька, что он потерял сознание. Рыжая тетка бросилась ко мне.

– Ну что? – спросила она. – Какие ощущения? Что ты пьешь? Есть вампиры, которые питаются смехом: им нужно вызвать смех у человека и забрать его. Есть те, кто питается красотой, а есть такие, кому нравится боль. Может быть, ты пьешь смерть? Человека нужно убить? Что ты думаешь по этому поводу, милая?

На тетке были красные бусы, ярко-зеленая блуза и радужная юбка.

– Никого мы убивать не будем, – строго сказала я.

– Не будем? – притворно удивились сестрички. – Ты что-то почувствовала?!

– Уходим отсюда, – сказала я.

– Как так?! – вскричала тетка. – Ты ведь не выпила энергию, а это ни с чем несравнимое удовольствие!

– Мы уходим! – повторила я. – И никого убивать не будем!

Я направилась в сторону нашего автобуса. Сопровождавшие недоумевали:

– Зачем возвращаться?

– Нас ждет автобус. – Я оглянулась и, кивнув на парня, начавшего приходить в себя, добавила: – Может быть, он еще успеет.

Рыжая тетка спросила:

– Как ты узнала?!

– Я знала это еще до того, как прозвучал первый вопрос. Едва взглянув на его лицо, я сразу поняла, кто передо мной. Он – вампир. Зачем вы разыграли этот спектакль?

Двоюродные сестренки застыли с полуоткрытыми ртами.

– Как?!

– Когда я была человеком и жила среди людей, мне было достаточно одного взгляда, чтобы понять, кто передо мной, а сейчас, взглянув на вампира, я вижу, что это – вампир.

– Этого даже я не умею, – призналась рыжеволосая тетка. – Исключительный, редкий дар. Но теперь я знаю, чем ты питаешься!

– И чем же?

– Знанием. И тем, что оно порождает, – изумлением! Вот твоя пища.

Проснувшись, я посмотрела на диван: там, сладко похрапывая, спала мама. Слава богу, все, что я видела, случилось где-то в параллельной реальности. Единственное, что стало очевидно: моя пища – изумление.

Готовя завтрак, я позвонила бабушке Эдуарда.

– Не обижает вас внучек? Не избивает?

– Спасибо! – ответила Олимпиада. – Трясется, злится, но ни разу после вашего прихода не ударил. Проклинает себя за то, что вас приглашал. Теперь, говорит, вы можете сдать его в милицию. Нам сказал, что вы так пообещали, если он нас побьет.

– Обещала.

– Наш Эдуард – ужасный мудака, девочка.

– Спасибо, я поняла.

– Он хотел вас трахнуть! – последнее слово Олимпиада произнесла с вызовом и через секунду добавила: – Но его мечта не сбылась!

– Не сбылась еще ни у кого, – хихикнула я.

– Вы достойны честного и порядочного мужчины.

– Терпения вам! И здоровья!

Мы по-доброму, словно зная друг друга сто лет, попрощались.

Оставив матери омлет и бутерброды, я поехала в фотостудию и по дороге встретила Фросю. Вид у нее был тоскливый, судя по всему, она всю ночь пила водку.

– Погадай мне, – привязалась Фрося, увидев знакомое лицо, – буду ли я счастлива.

– Иди проспись, – посоветовала я.

– Ты умеешь гадать, – канючила она. – Погадай мне!

Пришлось глянуть в ее ладонь.

– Грядут проблемы.

– Не утешила, – всхлипнула Фрося, опускаясь на четвереньки.

– Что ты наговорила своими поступками, то и читаю, – возразила я. – Некогда мне, бегу на работу.

Фрося на коленях поползла к клумбе, где еще не взошли однолетние цветы.

Из фотостудии я первым делом позвонила Николаю:

– Заберите свою квартирантку, она ползает по улице и плачет.

– Где?!

Я продиктовала адрес.

– Она забухала. Далась ей эта бормотуха! У памятника Ленину ползала в белой горячке, мы с Захаром еле дотащили ее до квартиры. Ночью опять ушла кутить...

– Не пейте, братья, бормотуху, – пошутила я.

Захар и Николай засмеялись, а у меня начался рабочий день.

В фотостудии я проработала ровно месяц.

Поначалу я подружилась с семьей хозяина. Они были из Грозного, а значит, мы – земляки. Меня взяли работать администратором. «Администратор» – звучит гордо.

С сотрудниками Геннадий обращался деспотически: бросал в них стаканы с чаем и бил по спине, снимая для этой цели резиновую тапку с потной ноги. Все молча терпели... за три тысячи рублей в месяц. Если перевести эту зарплату в доллары, получалось примерно сто.

Когда Геннадию не нравились фотографии, он мог разорвать готовые снимки на мелкие кусочки и швырнуть в лицо безропотным работникам.

Мне он тоже делал замечания, но в отличие от остальных я имела неприкосновенный статус человека с родной земли, поэтому все указания сопровождалось словами «солнышко», «доченька» и тому подобными.

Но сила привычки всегда берет свое, и как-то Геннадий самым бессовестным образом велел мне заткнуться и затопал ногами. Я очень удивилась, потому что последние десять минут молчала. Еле сдержалась, чтобы не ответить на выпад, но, помня о больной матери, нуждавшейся в лекарствах, не стала раздувать скандал.

То, что делали сотрудники, хозяин не ценил.

Я могла за один рабочий день пересчитать тысячу фотографий детей, ползая по полу, и не дай бог было перепутать номера детских садов. В мои обязанности входило предлагать посетителям кофе, а также отвечать на телефонные звонки, а затем вновь ползать по полу и продолжать считать фотографии. Я обслуживала клиентов, когда они приходили оформлять новые заказы. Делала отчет в компьютере. Отмечала продажи в тетрадях учета. Принимала в специальном окошке заказ на срочное фото, помогала клиентам снимать верхнюю одежду, одновременно подавая расческу и зеркальце. Не сбавляя темпа, я загружала в принтер бумагу и следила, чтобы на всех столах был идеальный порядок. Молча, опустив глаза, мне приходилось выслушивать, что между всеми делами я недостаточно красиво склеила подарочные конверты.

– Если останется время, обработаешь фотографии в программе «Фотошоп», – покрикивал Геннадий.

Чтобы все успеть, следовало работать качественно и быстро все восемь часов, без перерыва на обед. Задерживаясь на работе, я бесплатно набирала на компьютере тексты контрольных работ для дочери Геннадия, студентки университета.

Меня доставала напарница, которая в приказном тоне писала записки, что делать в ее отсутствие. Я тоже оставила ей записку: «Слуги в России были до 1917 года. Не забывай об этом!» Она притихла.

Когда приезжали группы, нужно было принимать их, а после рабочего дня развозить готовые фото по детским садам и школам. Проезд мне не оплачивали. Как ассистент я одевала детей, примерно по сто человек за одну съемку. «Не беда! Я все смогу. Мне нужно покупать лекарства для матери», – думала я.

А когда я взглянула на договор, данный мне через двадцать дней (раньше мне его по разным причинам не показывали), увидела свою должность: продавец. Там же была указана зарплата – тысяча сто рублей. Хотя обещали три тысячи.

Жена хозяина фотостудии, увидев мое изумленное лицо, сказала:

– Мы частники. На нас управы нет! Сейчас Россия живет без профсоюзов. Еще мы будем с тебя вычитать налог пятьсот рублей, и отпуск у нас не оплачивается.

Даже в Чечне я не встречала таких наглецов. Забежав после работы к Захару и Николаю, я подверглась их нападкам за то, что ничего не ворую у бессовестных людей. По логике моих друзей, грабить подобные личности – значит следовать святому пути Робин Гуда и его апостолов.

– Ты меня огорчаешь, – вздыхал Николай.

Захар шутил:

– Она исправится!

Они были расстроены: Фрося попала в больницу.

– Помнишь, ей стало плохо от алкоголя? У нее нашли опухоль. Предстоит операция.

– Моей матери в молодости диагностировали рак. Заметили случайно, когда она сдавала анализы. «Четвертая стадия! – развели руками врачи. – Вам осталось жить две недели». Мать, тогда совсем юная, в недоумении вернулась домой, в ростовскую коммуналку, и протянула родителям медицинское заключение. В те времена суп с курицей был только по праздникам, никаких сбережений. Кругом оскал коммунизма.

«Что захочешь, то и сделаем, – расплакалась бабушка. – Говори свое последнее желание».

Мама задумалась.

«Хочу в последние минуты закрыть глаза и вспомнить нечто прекрасное. Отправьте меня в Санкт-Петербург!» – попросила она.

Бабушка и прабабушка вытряхнули все тайники и грустно вздохнули: если поехать из Ростова-на-Дону в Санкт-Петербург, хватало ровно на три дня. Мама была счастлива. Она сняла угол у какой-то старушки и первым делом отправилась в Эрмитаж, посмотреть на полотна великих мастеров. У картины голландского живописца она познакомилась с женой работника обкома партии. Они разговорились, и мать сама не поняла, как оказалась в гостях, в шикарном особняке, оформленном под дачу, строителей коммунизма. Оказалось, что ее спутнице за пятьдесят, хотя они выглядели как ровесницы. «Смотри, что покажу», – услышала мать, после того как ей подали чай.

Оглянувшись, она не поверила своим глазам: женщина зависла в воздухе в метре над полом и касалась полированного паркета только пальцем ноги. Она левитировала! Мама выронила чашку.

«Не бойся! – сказала странная дама. – Долгие годы я занимаюсь йогой. Ты знаешь, что это такое?»

Мама не знала. В СССР о чуждой философии старались не говорить и не писать.

«Я сразу поняла, что ты больна. По твоей ауре, – продолжала женщина. – Аура – это свет вокруг человека. Я подскажу тебе, как быть. Послушаешь меня – выживешь. Нет – поминай как звали».

Мама подумала, что грохнетя в обморок. Она подняла глаза и увидела портрет Ленина в деревянной раме.

«Сделаешь так, – продолжала как ни в чем не бывало собеседница, встав на паркет и отпив из своей чашки. – Поголодаешь. Тебе сколько лет?»

«Двадцать один год», – ответила моя будущая мать.

«Значит, есть не будешь двадцать один день. Поняла? Только воду, натуральные соки и куриный бульон. Больше ничего! Ни крошки. Еще расскажу про семь волшебных упражнений: их нужно выполнять на рассвете».

Через полчаса мама оказалась на Невском проспекте с бумагой, где были записаны упражнения из йоги. Голова гудела, перед глазами все мельтешило, и она никак не могла вспомнить адрес женщины и ее имя. На прощание та сказала, что владеет гипнозом. Мама приняла решение вернуться в Ростов-на-Дону.

Родные не ожидали такого скорого возвращения. Мама объявила, что встретила волшебницу в Эрмитаже и будет худеть. Бабушка и прабабушка всплеснули руками, подумав, что это блажь от потрясения, и решили накормить маму как следует, перед тем как она отправится на небеса. Ежедневно они готовили самое вкусное из того, что могли добыть, и обливались слезами, видя, что мать не ест ни кусочка.

«Скушай хоть крошечку», – упрашивали они.

Но это было бесполезно. Двадцать один день голода, упражнений и минус семнадцать килограммов – вот что

пронеслось перед их глазами. Нужно ли говорить, что мать отказалась идти в больницу на осмотр? Через полгода, когда врачи, недоумевая, почему пациент все еще жив, потребовали повторить анализы, рак исчез. Пропал без следа, как будто бы его никогда и не было.

«Куда вы его дели?!» – возмущался главврач больницы.

Мама в ответ пожимала плечами и о йоге умалчивала, чтобы ее не сочли сумасшедшей.

Николя выкурил несколько сигарет подряд и сказал:

– Потрясающая история!

– Мы молились за выздоровление Фроси у иконы Девы Марии, – сообщил Захар.

– Вы ходите в церковь?

– Довольно часто по воскресеньям.

Для меня это было новостью.

– Я думала, геи не ходят в такие места.

– Разве Бог не даровал нам равные возможности? – удивился Николая.

– Так и есть, но все-таки...

– Мы побывали в трех церквях за один день и всюду молились. – Николая говорил совершенно серьезно.

– Ты поддержишь нас? – спросил Захар. – У нас для тебя презент!

Николя вышел в коридор и вернулся с пакетом.

– Что это?

– Посмотри.

Я развернула упаковку и ахнула: это был коврик для намаза.

– Ты знаешь суры из Корана. Будешь молиться за Фросю, чтобы она вернулась к нам?

– Буду, – пообещала я.

– А на твой двадцать первый день рождения мы отправимся в парикмахерскую! Тебе когда-нибудь делали маникюр? – спросил Николая.

– Нет... В детстве я как-то нарисовала ногти маминым лаком. За это меня хорошенько избили.

– Надо сделать укладку, прическу! Мы все оплатим. Ты понимаешь, что окажешься в настоящей парикмахерской?

– Но... мне, вероятно, придется снять платок?

– Конечно! – вскричали Захар и Николая. – Давно пора его снять, маленькая ханжа. Иначе ты так и останешься старой девой. Зачем ты надеваешь платок, как бабка? Другое дело – коврик для молитвы. Помолился – и убрал его подальше.

– Все девушки в Чечне носят платки... – попробовала возразить я.

– Вспомни, как ты его надела.

– Меня мать наказала: отлупила и побрила мне голову, когда я уронила на пол коптилку – банку с керосином и фитилем, тогда я и надела платок. Мне было десять лет.

– И ты никак не откажешься от символа унижения? Да ты мазохистка!

– И фетишистка!

– Это еще кто?

– Неважно! Все плохое когда-нибудь заканчивается. Послезавтра посидим в кафе и пойдем в парикмахерскую.

Спускаясь в старый парк, я смотрела на вековые дубы и высокие тополя, видевшие писателей и поэтов прошлого, побывавших на Кавказе. Деревья закрывали собой и без того тусклый предзакатный свет. Из глубин леса полз густой туман. Тишина рождала стихи и страх. Будто призраки прошлого, которых здесь не меньше, чем самих деревьев, касались меня и шептали свои истории. Ноги произвольно шли быстрее, выводя к открытому пространству.

Дойдя до сквера, я присела на кованую скамью в ретростиле. Зажженные фонари создали чарующую атмосферу, и, закрыв глаза, я думала о человеке, отношения с которым являются табу в нашей стране.

На мой двадцать первый день рождения мы шли по проспекту Карла Маркса, мимо фонтана «Чаша», городской администрации и домиков, где жители до сих пор бегали в туалет на улицу. Многие люди в этом районе ютились в крошечных комнатухах с решетками на окнах.

Я замешкалась на пороге парикмахерской, а Николая распахнул стеклянные двери и, забежав внутрь, перецеловал всех парикмахеров. Это оказались его давние знакомые.

– Все темы, – сообщил Захар.

На сленге так обозначались представители ЛГБТ.

– Здравствуйте! Чего желаете? – спросила меня улыбающаяся женщина лет сорока и представилась: – Алевтина. Позвольте вашу куртку.

Меня усадили в мягкое кресло и повторили вопрос. Я взглянула на Николая.

– Сначала снимите с нее косынку, – посоветовал Захар, расположившись на диване. – Поскольку она ничего не знает о прическах, командовать будем мы.

– Вот и славно. – Алевтина с удовольствием стащила с меня головной убор.

Я вздрогнула и зажмурилась. Николай подошел и, погладив меня по волосам, сказал:

– Нужно придать форму, а вот здесь сделать вкрапление блонда...

– Это обязательно? – заволновалась я.

– Еще сделайте короче к щекам, а сзади оставьте удлиненные пряди... – Николай отдавал распоряжения со всей серьезностью.

Я сидела как кролик перед удавом и боялась пошевелиться. Это заметили и дали мне чай с булочкой. От такого радушия я начала согреваться. Николая листал журналы и периодически подбегал с советами:

– Наискось стригите, сейчас это модно!

Парикмахер Алевтина работала под его чутким руководством, а мастер маникюра взялась за мои ногти. Поначалу я отказывалась, подумав, что соверши маникюрша одно неосторожное движение – и прощай палец!

Пока мне сушили волосы феном, маникюрша протира- ла ногти, готовила их к обработке, а у меня от страха зуб на зуб не попадал.

– Не бойся, – сказал Захар. – Мы рядом и не дадим тебя в обиду.

Он пил кофе, аромат которого распространился на весь зал.

Маникюрша подпилила мои ноготки пилочкой, согрела в специальном растворе, пахнувшем болотными тра- вами, а затем вытащила щипчики. Я отвернулась, потому что не могла смотреть, как убирают кутикулу. Но ничего страшного не произошло. Ногти покрыли нежнейшим ро- зовым лаком.

Где-то играло невидимое радио, и Милен Фармер пела о жизни, в которой всегда есть место страданию.

Меня повернули к зеркалу, и я увидела там девушку, мало напоминавшую мою прошлую реинкарнацию. От- ражение показало женский образ с короткой, изящной стрижкой, отчего вид у меня сделался чувственный и ро- мантический.

Захар и Николай любовались, стоя позади кресла.

– Я желаю тебе выбраться на такие частоты, где источ- ник радости бесконечен. С днем рождения! – прошептал мне на ухо Николай.

– Аминь, – сказала я.

– Аминь, – повторили друзья.

Мы поблагодарили парикмахера Алевтину и маникюршу.

На улице было слякотно. В мартовских лужах отражались лица не улыбающихся людей, а нам было хорошо вместе. Это было счастливое время.

Утром в фотостудию забежал Геннадий и невозмутимо обронил:

– Вычту пятьсот рублей из зарплаты.

– За что?!

– Я главный! Делаю что хочу.

Пока я подбирала приличные слова, чтобы выразить недовольство, раздался телефонный звонок.

– Слушаю, – крикнул Геннадий в трубку.

Через минуту начальник побледнел и обратился ко мне:

– Ты будешь здесь?

– Мне работать надо, – на всякий случай сказала я.

– Да, да. – Он повесил трубку стационарного телефона на рычажок. – В аварию попали...

– Кто?

– Друзья...

– Когда придут остальные? – спросила я, не обнаружив ни фотографа, ни хозяйки, ни кого-либо еще.

– Часа через три. Я отпустил их до обеда.

Геннадий сел и закачался на стуле.

– Вы закроете фотостудию?

– Нет! – Он вскочил и подбежал ко мне. – Я в больницу. Ты остаешься за всех. Вот ключи от сейфа. Там лежит полтора миллиона рублей, должен приехать человек и забрать.

– Что-о-о?!

Но начальник как сумасшедший, натыкаясь на стены, побрел прочь.

Я осталась в фотостудии одна. С ключами от сейфа.

Вероятно, наученный горьким опытом Геннадий решил испытать нового сотрудника и дал мне ключи от совершенно пустого сейфа, подумала я.

По утрам клиентов мало. Это время я посвящала уборке.

Чувство справедливости мучило меня. Почему я должна выполнять работу за пятерых? Мою зарплату отнимают, презрительно смеются в глаза, утверждая, что нет закона, защищающего работника.

Как мне и матери выжить без дома, лекарств и еды? Болезни после войны давали о себе знать.

Кто посмел так издеваться над нами?

Протирая пыль под фотоаппаратами и рамками на стеклянных стеллажах, я заплакала. В офисе по-прежнему не было ни души. И я вошла в комнату, где стоял сейф. Ключи сразу подошли к дверце, и, открыв ее, я увидела пачки денег.

Это были чужие деньги.

Сейф я закрыла и начала подсчитывать фотографии, но голоса Николая и Захара шептали: «Возьми хотя бы рамки для фотографий! Из твоей зарплаты все равно украдут пятьсот рублей!»

Не устояв, я взяла две рамки и положила их в свою сумку.

Первые клиенты появились около десяти утра и забрали пакеты с фотографиями утренника.

Еще два часа прошли в тяжелых раздумьях о сейфе и двух рамках. Межгалактический демон Капитан как-то сказал, что из грешных душ плетут паруса, оттого души не принадлежат себе, пока не искупят вину. В итоге я вытащила из сумки ворованное и громко сказала сама себе:

– Пусть все поступают так, а я не буду. Никогда не возьму чужое!

И вернула рамки для фотографий на место.

Через полчаса прибежал Геннадий, а за ним подтянулись остальные. Пришедшим за деньгами директор фотостудии отдал полтора миллиона рублей. Все было в порядке.

Те, кто чувствует себя бедным, потому что не во что одеться или нечего есть, и, оправдывая себя этим, крадет, заслуживают сожаления.

Я гадала, какую мне начислят зарплату. У Николая украли часть зарплаты и выгнали, заявив, что он опаздывал. Решив отомстить, он успешно очистил кассу и прихватил несколько рамок для фотографий.

Днем в фотостудии появилась габаритная женщина в деловом костюме – агент по рекламе Агата Васильевна. Она вручила мне пачку исписанных листов и велела набрать их в программе Word.

Не выходя в уборную и не отбегая попить воды, хотя очень хотелось, я работала.

– Ты тупая курица, – закричала она, когда я набирала десятый лист. – У тебя вот тут абзац не поместился.

– Поместился! – возразила я и объяснила: – Эта программа позволяет задавать определенные параметры.

– Сука! Иди на хрен! – услышала я в ответ.

Здесь моя буддийская практика дала сбой. Наверное, не хватило заряда утренней медитации.

– Сама топай по этому адресу! Я продавец и не обязана выполнять дополнительную работу. Благодарю и кланяюсь, что я сидела с твоими текстами. Ты не купила меня у работоторговца, чтобы измываться, подлая тварь! Я сейчас выцарапаю тебе глаза!

Агата Васильевна моментально спряталась за жену Геннадия.

Один из коллег схватил меня за плечо.

– Тихо ты, успокойся, – сказал он. – Мы должны молчать! Хозяин всегда прав!

– Вы привыкли унижаться с самого детства, когда вас бьют по лицу! Трясетесь в школе, вызванные к доске. Жуете грязные носки старшины в армии, а затем унижаете тех, кто слабей. Фашизм победил! – не унималась я.

В фотостудии воцарилась тишина, а я запела песню из книги «Хижина дяди Тома»:

Енота поймать нелегко, нелегко!

Хай-хай-эй-хо!

Хозяин смеется, а луна высоко.

Хай-хай-эй-хо!

Хай-эй-хай-хо!

Геннадий уставился в пол. Его жена, выполнявшая в фотоателье роль надсмотрщицы, покраснела и расплакалась. Работники закивали: да-да, фашизм победил.

Агент по рекламе елейным голоском пропела:

– Я к тебе как к доченьке обратилась...

– Вы, женщина, не забываетесь. Своих детей, если они вам позволят, называйте суками, – ответила я и выскочила на улицу под ливень. Никто не вышел за мной. Меня трясло будто в лихорадке. Потом я успокоилась, вернулась и занялась делами.

Все продолжали молчать.

На следующий день хозяин отдал мне три тысячи рублей без всяких вычетов и сказал, что хочет продолжить сотрудничество, но я ушла.

Стук в дверь прервал мои мысли о том, как жить дальше. Сердце тревожно вздрогнуло. Я сидела на коврик

для молитвы и просила у Бога сострадания для нас и здоровья для Фроси, которой сделали операцию.

Стук настойчиво повторился. За дверью стоял Захар. Мартовский ливень намочил его куртку. Он ничего не говорил, будто я сама должна была догадаться, что произошло.

– Привет! Что случилось?

Мы смотрели друг на друга, с его одежды стекала вода и образовывала на полу лужицы. Захар находился словно во сне, и мне стало страшно. Это только наивным провидцам думается, что, если человек побывал на войне да еще там выжил, его теперь трудно удивить.

– Где Николая? Что с ним? Не молчи!

Взгляд Захара изменился, стал шутливым и добродушным.

– Я решился... – сказал Захар. – Я пришел к тебе.

– Пришел, так садись. – Я пододвинула к нему табурет.

– Не понимаешь, о чем я говорю? – спросил Захар.

Я почувствовала себя неловко.

– Если Николая нужны лекарства, извини, не могу помочь...

– При чем здесь это? – Захар начал ходить по коридору, не разуваясь, отчего грязи на полу становилось все больше, а понимания происходящего – все меньше.

В какой-то момент он остановился и заявил:

– Ты мне нравишься.

– Что?! Опять?

– Я не могу потерять тебя. Мы с Николаем давно вместе... Между нами была любовь. Не просто встречи, а божественная любовь. Но все проходит. Все меняется... У меня до него были мужчины и женщины...

– Куда ты решил свернуть на этот раз?

– Что?

– Зачем тебе женщины?

– Я никогда больше не встречу такую, как ты! Я думаю об этом каждую ночь, когда держу его в объятиях. Понимаешь?

– Нет, не понимаю! Да как тебе в голову пришло такое предательство?

– Ты особенная. – Захар сделал паузу. – Я предлагаю тебе стать моей женой!

У меня сдавило горло.

Захар по-своему расценил мое замешательство, потому что подбежал ко мне и попытался поцеловать. И ему это удалось бы, если бы не полотенце, которым мама гоняла кошек и которым я успешно смогла привести в чувство Захара.

– Ой! – вырвалось у него. – Больно!

– Теперь послушай меня, – сказала я, усевшись на табуретку. – Я люблю Николая и уважаю его выбор. Его выбор – это ты. Ты являешься смыслом его жизни. Нельзя предавать. Никогда. Никого. Тем более – свою любовь.

На Захара было жалко смотреть. Он закрыл лицо руками.

– Надеюсь, Николай не знает о том, что ты пришел сюда?

– Я не могу без него, не могу без тебя! Я с ума сойду!

– Попьем чай – и отправляйся домой. Не расстраивай Николая своими легкомысленными поступками. Твои чувства ко мне – временное помутнение рассудка. Знаешь, почему вы мои самые-самые лучшие друзья?

Захар поднял голову, и я увидела, как из его синих глаз катятся слезы.

– Потому что, – продолжила я, – мне все равно, что он – сто процентный гей, а ты – бисексуал. Мне все равно, что вы смотрите порно и меняете партнеров ради сексуальных экспериментов. Для меня прежде всего вы – люди! Те самые, которые шли по замерзшей трассе сквозь метель, погибая от холода, и самым горьким для вас была разлука. Она была страшней смерти!

– Это случилось давно, – грустно сказал Захар. – Много воды утекло с тех пор, уже не вспомнить тех ощущений. Тогда ток шел по венам, а сейчас – пустота и мрак. Я мечтаю о семье и детях.

– Поедете в Голландию и усыновите ребенка.

– Николая не хочет детей.

– Это ему сейчас так кажется. Когда возьмете, он души в ребенке чаять не будет.

Запах свежесваренного чая разлился по кухне. Часы гулко пробили пять вечера. И если бы жив был мой прапрадед, то распознал бы, что показывает барометр, который чертил своими стрелками нечто таинственное.

Дождь за окном усилился, словно сумрачное небо плакало из-за несчастной любви.

Захар в мокрой ветровке и промокших насквозь джинсах взял горячую чашку с чаем, в котором плавала, как спасательный круг, долька лимона, и задумался. А потом неожиданно произнес:

– Я написал письмо и оставил его на столе.

– Что ты сделал?

– Я написал о том, что земная любовь – это отрезок пути, по которому идут двое, а затем им нужно расстаться, чтобы пробудиться вновь. Я попрощался с Николаем.

– Ну разве ты не идиот?! – Я заметалась по кухне. – Где моя куртка?

– Что? – спросил Захар. – Что не так?

– Все не так! – вскричала я. – Ты убил его! Убил! Нельзя, чтобы он нашел письмо.

Я схватила куртку, правда, не свою, а мамину, и, накинув ее на домашнее платье, поспешила к двери.

– Может быть, мы еще успеем!

До их дома ехать было долго, автобус в наших краях ходил нечасто, и это означало: если будем ждать – потеряем

драгоценные минуты. Придерживая капюшон, я бежала так быстро, что Захар едва успевал за мной. Он промочил ботинки, а мои легкие туфельки без каблуков то и дело зачерпывали из луж грязную, пенящуюся воду.

Нам повезло поймать у Нижнего рынка маршрутку.

Оказавшись у нужного дома, я остановилась, чтобы отдышаться, а Захар начал искать ключи. Мы поднялись на лифте в квартиру. Комната Фроси была заперта, а комната Захара и Николая – распахнута настежь. Окно – открыто. Письма на столе не было. На всякий случай Захар заглянул за полки, но бумага как испарилась.

– Письмо могло унести ветром или Николая его все-таки нашел, – сказал Захар.

– Что теперь делать?

– Я себя паршиво чувствую.

Где искать Николая, мы не знали. В такой дождь он мог отправиться куда угодно.

Зазвонил мобильный телефон. Я сразу подумала, что это мама, которая не обнаружила меня дома и теперь собиралась требовать отчета.

– Мне пора. Жди его.

– Ладно, – согласился Захар. – Он походит, побродит и придет. Не верь ему, если позвонит и начнет петь о смерти. Он делает так каждый раз: давит на жалость. Все с ним будет в порядке.

Возвращаться по темноте мне пришлось одной, и, дойдя до почтового отделения, я поняла, что телефон подал признаки жизни.

– Да! – сказала я.

Слова в трубке были едва различимы, они смешались с дождем и ветром.

– Кто это?

– Он ушел к тебе... правда? – спросил Николая.

– Иди домой!

– Я не вернусь! С меня хватит! Письмо Захара у меня!

– Немедленно возвращайся! Это письмо – розыгрыш!

Шутка!

– Нет! Не шутка!

– Захар никуда не ушел!

– Это обман!

– Где ты?

– На крыше.

– На какой еще крыше?

– В «Хризантеме».

«Хризантема» располагалась в высотном здании. Это был новый супермаркет в центре города.

– Как ты туда попал?

– По лестнице. Я не вернусь. Не буду жить. Adios!

Николя выключил телефон.

От почты до «Хризантемы» было примерно четыре минуты. Бегом.

На крыше стоял Николя и смотрел вниз. Не раздумывая, я взлетела на чердак. Свет квадратом мелькнул в темноте, и на крыше нас оказалось двое.

Он прокричал сквозь пелену дождя:

– Не подходи! Не вздумай меня отговаривать! Как же я ненавижу этот мир! Пусть он провалится в преисподнюю! Здесь все равно живут черти! Да-да! Не в каком-то мифическом аду, а именно здесь... Больше я не выдержу! Нет!

Ноги скользили, и я боялась, что от высоты закружится голова.

– Николя! Ты нам нужен!

– Живите сами! – ответил Николя. – Пошло оно все... Единственный человек, которого я люблю, оставил меня.

– Послушай, – я старалась приближаться к нему мелкими шажками, – все наладится. Однажды ты купишь себе дом. Не будешь больше ночевать в подъездах. Не будешь зависеть от родственников.

– Я больше так не выдержу...

– Не играй со смертью!

– И пусть!

– Нет! Ты нам нужен! Забудь про письмо.

– Ты сказала, что это шутка?

– Да, я так и сказала.

Дождь внезапно перестал, но я озябла и стучала зубами.

Николя, в мокрой одежде, с растрепанными волосами, сел на самый край крыши.

– Ты передумал прыгать? Иди сюда!

– Сама иди сюда!

Я подошла, обняла его и поцеловала в щеку.

– Ты не можешь оставить меня одну в этом мире. Мне нужен брат!

– Ты бы прыгнула вместе со мной?

– Я не могу отпустить тебя.

Он обернулся и заглянул мне в глаза.

– Ты знаешь, что я гей, что я вор и что я не могу жить без таблеток. Ты считаешь меня хорошим человеком?

– Самым лучшим, Николя. Есть поверье, что в день Страшного суда ни святому, ни грешному не представится возможности заступиться перед Всевышним за своего ребенка и за родителей. Только сестра и брат смогут попросить друг за друга.

– Не могу жить без таблеток. Судороги сводят руки и ноги. Мне прописали их от панических атак, но рецепт закончился.

– Мы достанем тебе любые таблетки.

Я вывела его в подъезд. Там было гораздо теплей, и, присев на ступеньки, мы попытались согреться.

– Со смертью нельзя шутить, – сказала я. – Она помнит всех, кто ее позвал.

– Я знаю, – ответил Николя.

– Несостоявшиеся самоубийцы часто попадают под машины. Никогда не играй в эти игры.

– Я несколько раз пытался уйти и не смог. Мой отец выстрелил в себя и не умер. Потом ему поставили диагноз: рак крови. Он сгорел на наших глазах, а умирая, завещал нам жить.

– И ты изволил меня пугать, что бросишься с крыши?

– Я и Захару так сказал. Пусть знает, что мне не нужна жизнь без него.

– Он знает. – Опасную тему я решила обходить стороной. – Нам пора возвращаться, иначе меня мать изобьет. Представляю, что она думает. Не могу ей позвонить: закончились деньги.

– У меня тоже ноль на счету.

– Пора выбираться отсюда!

Мы спустились по ступенькам, которые так жалобно скрипели под ногами, что казалось, это плачут щенки, замурованные в камни.

На улице проносились машины, окатывая незадачливых пешеходов из глубоких луж.

Николя пообещал помириться с Захаром, и я отправилась домой.

Несмотря на то что Николя был старше меня на несколько лет, ему требовались защита и помощь. Он был слишком ранимым и деликатным для нашего мира. Рядом с ним я в двадцать один год чувствовала себя мудрой и старой.

Жизнь на войне сделала меня взрослой, способной принимать непростые решения. Если бы меня спросили, какое самое важное качество в человеке, я назвала бы доброту. Доброта – это все, что нам нужно. Ее так трудно найти и так легко потерять. Храните доброту как зеницу ока. Те, кто творил добро, первыми увидят Христа.

Захар, несмотря на свою харизматичность, был от меня дальше, чем Николая. Он олицетворял собой человека ищущего, сомневающегося и предполагающего.

Если бы общество, которое до сих пор мыслит так же, как в каменном веке, принимало людей с их чувствами и желаниями, в мире было бы меньше зла. Общество, в большинстве своем, осуждает однополые браки. В некоторых странах осуждают не только словами. Пулями. Веревками. Камнями. Общество не принимает семью, не основанную на заветах из священных книг.

Чувство, что нужно защитить Николая и Захара, не покидало меня. Помимо воли я стала человеком, попавшим в любовный треугольник, и мне следовало немедленно исчезнуть, чтобы сохранить их пару.

Пусть они будут счастливы.

Любовь преодолет все.

Я смогу.

Я смогу.

Я смогу.